

Н. И. КОНРАД

УЦЗЫ

ТРАКТАТ
О ВОЕННОМ
ИСКУССТВЕ

БА

и Вл

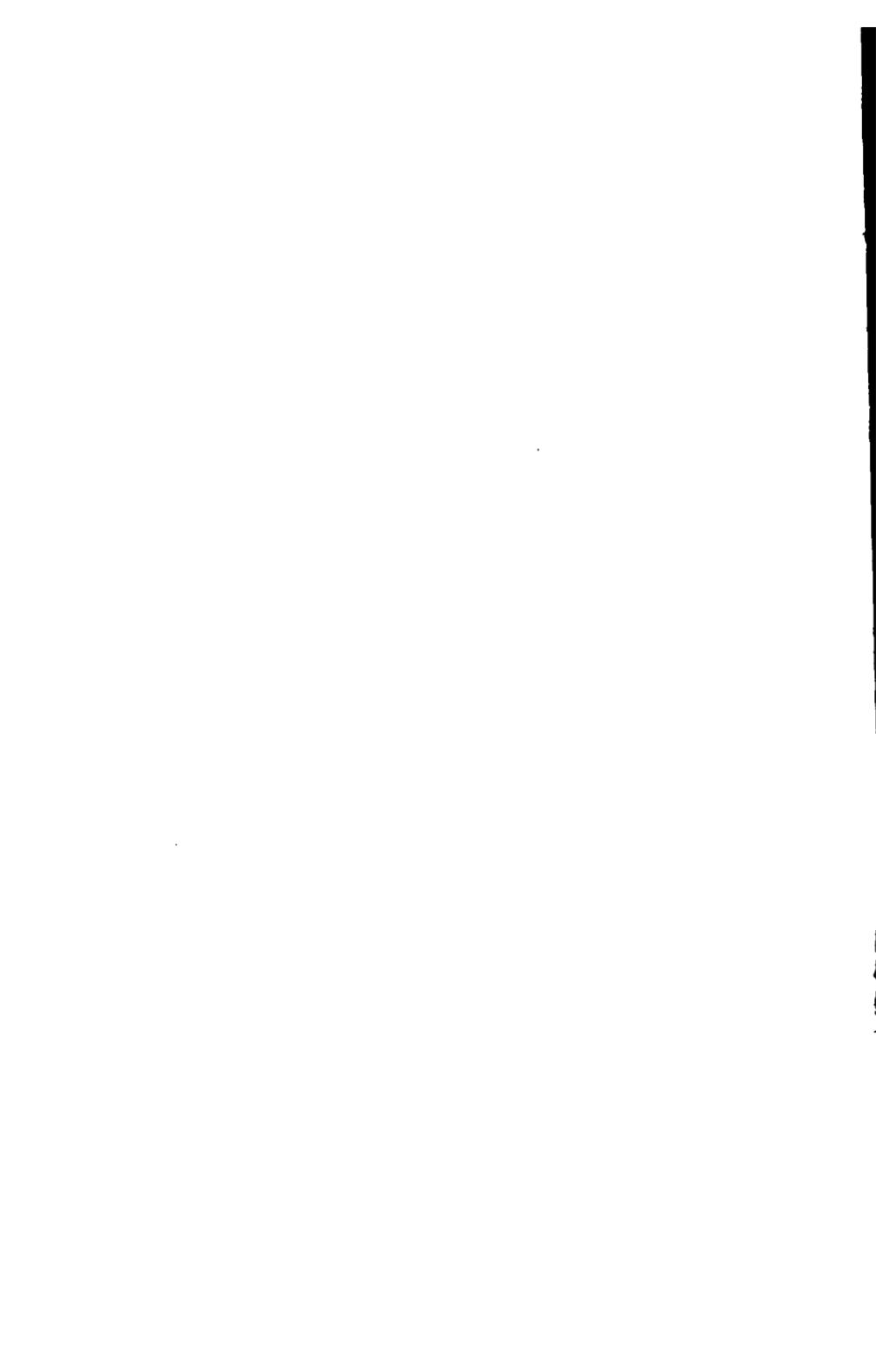
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ

Н. И. КОНРАД

У-ЦЗЫ
ТРАКТАТ
О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Перевод и комментарий

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Был человек, который имел 70 тысяч воинов, и в Поднебесной не было никого, кто мог бы ему противостоять. Кто это? У-цзы». Так пишет Вэй Ляо-цзы — стратег IV в. до н. э. — о другом стратеге древнего Китая — знаменитом полководце и теоретике военного искусства, жившем, как можно думать, в первой половине IV в. до н. э.

В истории военного искусства наследство, оставленное древним Китаем, занимает одно из почетных мест и представляет значительный интерес для советского читателя.

История военной мысли в Китае имеет своих классиков, учение которых составляет известное на всем Дальнем Востоке «Семикнижие». Во главе «Семикнижия» стоят два трактата, носящие имена прославленных стратегов древнего Китая — Сунь-цзы и У-цзы.

Трактат *Сунь-цзы*, занимающий первое место как по времени своего возникновения (вероятнее всего, в конце VI — начале V в. до н. э.), так и по своему содержанию и историческому значению, представлен мною советскому читателю в русском переводе *. Но на Дальнем Востоке с того самого момента, как впервые была установлена специальная область военной науки, говорили и говорят о «военной науке Сунь—У», соединяя вместе имена зна-

* Н. И. Конрад, *Сунь-цзы, Трактат о военном искусстве*, М.—Л., 1950.

менитых стратегов. Поэтому для истории дальневосточной военной мысли трактат *У-цзы* представляет не меньший интерес, чем *Сунь-цзы*.

Значение трактата *У-цзы*, как и его великого предшественника, отнюдь не ограничивается рамками древней истории Китая. Они стали первыми, а строго говоря, и единственными настоящими классиками дальневосточной стратегии и тактики, так как остальные пять трактатов «Семикнижия» никак не могут сравняться по своему значению с этими двумя. На трактатах *Сунь-цзы* и *У-цзы* была построена вся философия и теория войны, вся практика военной стратегии и тактики в феодальном Китае, Корее и Японии. Более того, *Сунь-цзы* и *У-цзы* пережили и феодальный период в истории этих стран. Оба трактата переиздаются и изучаются в Китае и Японии и в новейшее время, причем не только в плане историческом: многое из них вошло в новую военно-научную теорию в этих странах. Особенно это относится к Японии, где трактаты *Сунь-цзы* и *У-цзы* известны каждому образованному военному, а в какой-то мере и каждому образованному человеку. Недаром «Тюб кброн» — издательство одного из самых распространенных в Японии общественно-политических ежемесячников — предприняло в 1935 г. новое издание этих классиков, предназначеннное для самого широкого читателя.

* * *

Перевод всякого древнего памятника неизбежно должен сопровождаться комментарием. Тем более требует комментария перевод памятника военной мысли, созданного в древнем Китае, в рамках исторической действительности того времени, на почве культуры своей эпохи и написанного языком, отражающим уклад мышления и речевой стиль своего времени. Перевод с китайского языка IV в. до н. э. на русский язык XX в. — если он претендует на то, чтобы быть переводом, а не распространенным пересказом — требует комментария, поясняющего мысль оригинала. И именно в этом — в разъяснении мысли *У-цзы* — переводчик видел свою главную задачу, составляя комментарий.

Само собой разумеется, что главным пособием для понимания содержания трактата *У-цзы* служит сам трактат. Действительное содержание какого-нибудь места трактата лучше всего вскрывается при сопоставлении этого места с другими, либо близкими, либо противоположными по смыслу. Кроме того, подлинное содержание и значение каждой мысли открывается при оценке ее в общей системе взглядов автора. Эти два пути и явились основным приемом толкования текстов.

Но, конечно, очень многое дали китайские комментаторы трактата. Наиболее авторитетным из них считается Лю Инь, известный знаток военной науки, живший во второй половине XIV в. и прославившийся большой работой по комментированному изданию всего «Семикнижия». Комментарий Лю Иня служил переводчику материалом для выяснения того, как понимали *У-цзы* военные теоретики старого Китая.

Большую помощь оказали другие трактаты «Семикнижия». Переводчик считал, что мысль *У-цзы* во многом можно понять только через прочую военно-теоретическую литературу древнего Китая, особенно ту, которая ближе к эпохе *У-цзы*. Многие положения *У-цзы* в том или ином виде повторяются и в других трактатах, и, наоборот, истинное значение некоторых мест этого сочинения становится ясным по контрасту с положениями других авторов.

Из всех трактатов особенно был полезен при составлении комментария трактат *Сунь-цзы*. На втором месте стоит *Вэй Ляо-цзы* — очень близкий к *У-цзы* по времени. В комментарии переводчика приводится немало цитат из этих сочинений, которые помогли осветить то или иное место *У-цзы*. Прочие трактаты «Семикнижия» — *Законы Сыма* (IV в. до н. э.), *Лю тао* (III—IV вв.), *Сань лио* (VI—VII вв.), «Диалоги» Ли Вэй-гуна (VII в.) — привлекались в гораздо меньшей степени.

Переводчик — не военный специалист, и он не мог дать оценку учения *У-цзы* с точки зрения истории мировой военно-теоретической мысли. Переводчик является филологом-востоковедом и писал свою работу как филолог. Если советские ученые — специалисты по истории военной мысли — заинтересуются этим классиком воен-

ной науки на Дальнем Востоке, это будет все, чего желает переводчик и для чего он трудился.

Трактат *У-цы* заслуживает внимания не только потому, что он пополняет историю мировой военной науки новым, имеющим большое значение материалом, но и потому, что в некоторой степени поможет изучить особенности военной стратегии и тактики стран современного Дальнего Востока.

БИОГРАФИЯ У-ЦЗЫ И ЕГО ТРАКТАТ

Сведения об У-цзы, имеющиеся в нашем распоряжении, очень скучны. Строго говоря, они ограничиваются тем, что сообщается в биографии У-цзы, помещенной в «Истории» Сыма Цяня*. В других источниках, как например у Вэй Ляо-цзы, в «Диалогах» Ли Вэй-гуна, встречаются лишь отдельные упоминания об У-цзы, характеризующие его как полководца.

От Сыма Цяня мы узнаем, что У-цзы происходил из царства Вэй, в котором проживал весь его, по-видимому, многочисленный род.

Один его поступок свидетельствует, что он уже в молодости отличался неукротимым нравом. Семья У-цзы разорилась, и он не смог помочь ей. Односельчане стали насмехаться над ним. Тогда У-цзы, не задумываясь, перебил всех, кто осмелился это делать. Разумеется, после этого ему пришлось покинуть родные места. Прощаясь с матерью, он дал ей торжественную клятву, что никогда не вернется домой, если не достигнет где-нибудь поста министра.

Покинув вэйское царство, У-цзы, исполненный честолюбивых замыслов, решил испробовать путь, который в те времена считался самым надежным для политиче-

* См. Сыма Цянь, *Избранное*, пер. с китайского В. Панасюка, М., 1956, стр. 70—79.

ской карьеры: он стал искать учителя, у которого смог бы получить нужную политическую мудрость.

Учитель политической мудрости был типичной фигурой Китая времен Чуньцю (722—481 гг. до н. э.) и особенно Чжаньго (403—221 гг. до н. э.). Этих учителей можно было найти в любом царстве, при любом дворе. Здесь они играли роль не то при дворных ученых, не то советников по вопросам управления; многие из них занимали административные должности, некоторые, подчинив своему влиянию князей, становились даже полновластными министрами и не только руководили всей политикой, но и пытались проводить реформы в духе провозглашенных ими принципов. Другие создавали нечто вроде академий, где ученики черпали знания из бесед и лекций учителя. Третьи странствовали из царства в царство, от двора ко двору, поучая своей мудрости тех, кто желал их слушать. Все эти учителя проповедовали различные доктрины: среди них были политики-государственники, развивавшие свое учение о государстве и методах управления им; были политики-дипломаты, пропагандировавшие свои принципы внешней политики; были и экономисты со своими теориями обогащения государства и его населения. Многие из них были социологами, владеющими, как они думали, тайной наилучшего устройства общества: одни видели секрет «правильного» управления страной и народом в морали; другие искали его в материальном богатстве страны; третья — в полноте военной силы. Были среди них и учителя логики и эвристики, т. е. искусства красноречия и ведения полемики; были, наконец, и специалисты по военному искусству.

Историческая обстановка того времени как нельзя лучше способствовала появлению таких учителей. Как известно, в эпоху, которая вошла в историю Китая как период «Борющихся царств» (Чжаньго, 403—221 гг. до н. э.), на территории Китая существовали отдельные владения, крупные и мелкие. Власть верховного правителя — чжоуского вана (царя) была чисто nominalной. Князья вели войны, заключали союзы, многие из них даже стали присваивать себе титул ван (царь). В этой борьбе одни царства гибли, другие расширялись за их счет.

В такой пестрой и сложной обстановке замечался, однако, один определенный процесс: крепла тенденция к объединению всего Китая, к прекращению непрерывных войн, разорявших страну. Этого требовало все население Китая: земледельцы, страдавшие от рекрутской повинности, военных поборов и разрушения оросительной системы; торговцы, чьей деятельности препятствовали раздробленность страны и произвол отдельных правителей; этого хотели и наиболее дальновидные и умные представители чиновничества, чья служба зависела от всевозможных случайностей и каприза местных тиранов. Это проповедовали и упомянутые выше учителя — писатели и философы: только прочная, хорошо наложенная государственная машина могла предоставить им обширную арену деятельности.

Многие князья, чувствуя эти стремления и пытаясь использовать их в своих интересах, выступали инициаторами такого объединения. Пути к нему у них были разные — и политico-дипломатические, и военные. Мечтой такого князя-объединителя было стать «гегемоном» (ба), т. е. главой нескольких царств. В VI в. до н. э. уже успели выдвинуться пять князей, ставших на время «гегемонами»: циский Хуань-гун, циньский Му-гун, чуский Чжуан-ван, цзиньский Вэнь-гун, юэский Гоуцзянь-ван.

В результате этого процесса мелкие царства понемногу исчезали, поглощаемые более крупными. К концу периода Чуньцю осталось двенадцать царств, а к V в., т. е. ко времени У-цзы, их было уже только семь.

Обстановка как нельзя лучше способствовала возникновению и развитию идейных течений, по-разному осмысливавших эпоху и намечавших различные способы устройства общества и государства. Носителями этих идей являлись писатели, публицисты и философы, т. е. те учителя, о которых шла речь. Естественно, что они были желанными гостями князей. Советы этих мудрецов нередко способствовали лучшей организации внутреннего управления, дипломатическим успехам и т. д. Поэтому спрос на таких советников был велик. В конце концов стало, вероятно, просто хорошим тоном для князей иметь у себя при дворе мудреца, с которым можно было бы вести глубокомысленные беседы и которым можно было

бы кичиться перед соседом. Понятно, что всякий, желавший сделать политическую карьеру, стремился пройти науку у какого-нибудь мудреца, подобно тому как в древней Греции всякий гражданин, желавший заняться политической деятельностью, должен был пройти курс риторики у софиста.

У-цзы решил пойти этим путем и выбрал одного из самых знаменитых учителей того времени, выдающегося ученика Конфуция — Цзэн-цзы. Если доверять конфуцианской традиции, утверждающей, что Цзэн-цзы — автор трактата «Большая наука» (*Да сюэ*), вошедшего в состав «Четверокнижия», то он пошел значительно дальше своего учителя в развитии мировоззрения, впоследствии получившего название конфуцианства. Кроме того, Цзэн-цзы был известен и как выдающийся политический деятель. Более авторитетного учителя, пожалуй, трудно было бы выбрать. Однако, как свидетельствует Сыма Цянь, У-цзы недолго оставался у Цзэн-цзы. Один поступок У-цзы навлек на него недовольство и порицание учителя: узнав о смерти матери, У-цзы, верный своей клятве не возвращаться на родину иначе как став министром, не поехал отдать свой последний долг. По китайским обычаям это было нарушением самой священной обязанности сына. Конфуций и его ученики с особой энергией проповедовали принцип «сыновнего служения», возводя его едва ли не в основное начало всего общественного бытия. Поэтому поступок У-цзы вызвал самое суровое осуждение учителя и привел к разрыву их отношений.

После этого У-цзы решил переменить сферу своей деятельности. По складу характера он не мог заниматься изучением морально-политических сентенций таких учителей, как Цзэн-цзы; его влекло к себе военное дело. Поэтому он переехал в царство Лу и стал там изучать военную науку.

Сыма Цянь не говорит, у кого он учился и как он сумел выдвинуться. Мы узнаем только, что, когда на царство Лу напал сильный враг — царство Ци — и надо было найти полководца, У-цзы был главным претендентом на эту должность. Однако одно обстоятельство служило в глазах многих препятствием к назначению У-цзы: его

жена была родом из царства Ци. Естественно, советники лусского князя сомневались, можно ли будет ему доверять. У-цзы поступил в этом случае решительно. Узнав о таких сомнениях, он без колебаний умертил свою собственную жену, чем и доказал, что не может быть заподозрен в тайном сочувствии к Ци. Сыма Цянь объясняет поступок У-цзы его горячим стремлением к славе: он не мог упустить удобный случай показать свои таланты и выдвинуться.

Своим поступком он достиг желаемого: князь поручил ему командование войсками, отправляемыми против царства Ци. У-цзы блестяще оправдал оказанное доверие: результатом его операций явился полный разгром цисской армии.

Однако У-цзы не удалось удержаться на службе у лусского князя. Луские жители, как говорит Сыма Цянь (очевидно, приближенные князя), возненавидели его и приложили все усилия, чтобы его удалить. Официальным мотивом послужили будто бы моральные качества У-цзы. Его обвинили в жестокости. Вспомнили и его поведение на родине, где он убил 30 человек, и его отношение к смерти матери, и его недавний поступок с женой. Князю внущили, что держать такого человека возле себя слишком опасно. Князь послушался этих советов и действительно удалил У-цзы.

Трудно судить о действительных причинах изгнания У-цзы. Сыма Цянь дает, однако, один многозначительный намек. Он замечает, что в те времена Лу и Вэй были так называемыми «братскими царствами», т. е. царствами, владетели которых были связаны родственными узами. Обычно такая связь соединялась с известного рода политическим и военным союзом. Для такого же маленького царства, как Лу, было крайне важно иметь дружески расположенного соседа, тем более такого могущественного, как царство Вэй. Поэтому князь или его советники боялись, как бы нахождение на службе в Лу, да еще в качестве полководца, беглеца из вэйского царства не отразилось на дружественных отношениях с Вэй. Возможно, что князю и пришлось поэтому расстаться с У-цзы.

Весьма вероятно, что Сыма Цянь указывает правиль-

ный путь для толкования поступка князя. Кроме того, слава и влияние удачливого полководца в соединении с крутым и решительным нравом вызывали опасение знати, которая постаралась употребить все средства, чтобы удалить У-цзы.

У-цзы принужден был искать новое место для применения своих талантов. В это время он услышал, как замечает Сыма Цянь, что вэйский князь Вэнь-хоу — мудрый правитель. Поэтому он стал искать службу у него. К этому времени У-цзы имел уже, по-видимому, громкую репутацию искусного стратега. По крайней мере Сыма Цянь передает, что, когда Вэнь-хоу обратился к своему советнику Ли Кэ с вопросом, что за человек этот У-цзы, Ли Кэ очень плохо отзывался о личных качествах последнего, обвинив его в корыстолюбии и распутстве, но зато очень высоко оценил его искусство как полководца. «В военном деле даже Сыма Жан-цзюй не мог бы превзойти его», — сказал Ли Кэ, упомянув знаменитого полководца VI в. до н. э., чьи «Законы войны» запечатлены в известном труде *Сыма фа*.

Как видно из трактата *У-цзы*, вэйский князь, по-видимому, решил сам позмотреть, что это за человек. Вводная глава трактата красноречиво описывает это первое свидание. У-цзы своими мудрыми речами, выдававшими не только талант полководца, но и крупный государственный ум, так пленил князя, что тот сразу же решил вопрос: У-цзы со всем почетом, достойным победителя цисского царства, был приглашен на службу и поставлен во главе вэйских войск.

Такое решение Вэнь-хоу было, по-видимому, обусловлено положением в царстве Вэй, которому грозила война с сильнейшим царством Цинь. Вэнь-хоу задолго до приглашения У-цзы самым интенсивным образом готовился к этой войне: усиленно строил боевые колесницы, изготавливал оружие и т. д. Ему недоставало только хорошего полководца, и, когда дошла до него слава У-цзы, он, не задумываясь, решил доверить ему ведение войны.

Расчет князя оправдался. Как повествует трактат, У-цзы, имея всего 50 тысяч пехоты, 500 боевых колесниц и 3 тысячи всадников, разгромил пятисоттысячную армию Цинь.

О стиле его командования ярко свидетельствует приказ по армии, данный им накануне битвы. Этот приказ приводится в трактате:

«Командиры и солдаты! Каждому из вас предстоит встретиться — кому с боевыми колесницами противника, кому с его конницей, кому с его пехотой. Помните, что, если каждая колесница не захватит его колесницу, каждый всадник не захватит его всадника, каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого» (VI, 11).

Трактат добавляет, что впечатление, произведенное на солдат этим приказом, было таково, что «в день битвы боевые распоряжения У-цзы были кратки и просты, но его мощь потрясла всю Поднебесную» (VI, 12).

Сыма Цянь передает ряд подробностей, рисующих У-цзы как руководителя армии. Находясь в походе, он одевался, как простой солдат, ел ту же пищу, что и солдаты; во время ночлега спал на голой земле; во время переходов шел пешком наравне с простыми солдатами, носил с собой такой же походный паек, как у солдат, делил со своими солдатами все труды и лишения. К солдатам он относился как к «любимым детям», как того требовал его великий предшественник Сунь-цзы. Сыма Цянь приводит даже один эпизод, характеризующий, насколько близко к сердцу принимал У-цзы все, что касалось его воинов. У одного его солдата образовался фурункул, никак не вскрывавшийся и причинявший большие мучения. У-цзы, узнав об этом, сам сделал разрез фурункула и высосал весь гной.

Сыма Цянь с добросовестностью историка, а может быть и не без скрытой иронии, сообщает о том своеобразном эффекте, который произвела на мать солдата весть о такой заботливости вождя. Мать заплакала, и, когда ее удивленно спросили, почему она плачет, она объяснила свои слезы следующим образом. Ее муж, будучи солдатом, однажды заболел той же болезнью, и его военачальник проделал с ним ту же операцию, что У-цзы с ее сыном. Отец был так тронут заботливостью полководца, что с тех пор только и горел желанием свидетельствовать свою признательность каким-нибудь геройским подвигом. В бою он стремился в самые опас-

ные места, в результате чего был убит. Мать объяснила, что, потеряв мужа, боится теперь потерять и сына.

Заботясь о своих солдатах, У-цзы в то же время умел быть крайне суровым в отношении дисциплины, считая, как это видно из его трактата, что дисциплина — первое условие боеспособности армии. Поэтому он беспощадно карал за малейшее нарушение ее. Вэй Ляо-цзы приводит следующий рассказ, рисующий У-цзы с этой стороны:

«У-цзы воевал с Цинь. Еще до сражения один солдат, не будучи в силах сдержать свою храбрость, пошел вперед и вернулся, отрубив две головы. У-цзы немедленно казнил его. Военачальники стали упрекать полководца: «Это был способный воин, не надо было его казнить». У-цзы на это ответил: «Да, он способный воин. Но раз он действовал не по моему приказу, я его казнил» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. VIII, стр. 31).

После победы над Цинь князь Вэнь-хуу поручил У-цзы охрану района Сихэ от возможных нападений со стороны княжеств Цинь и Хань и, по-видимому, очень доверял своему полководцу. Однако Вэнь-хуу скоро умер (в 387 г. до н. э.). По свидетельству Сыма Цяня, У-цзы продолжал служить и при его сыне и наследнике — князе У-хуу (386—371 гг. до н. э.). Судя по трактату, молодой князь относился к полководцу своего отца с величайшим почтением, постоянно беседовал с ним по вопросам военного дела. Сам трактат по форме представляет ряд бесед князя с его военачальником. В этих беседах князь обычно задает какой-либо вопрос, а У-цзы на него отвечает, развивая таким образом свое учение о войне.

Один эпизод, сообщаемый Сыма Цянем, рисует У-цзы и как политика. Князь катался по реке в районе, порученном охране У-цзы, и, восхищаясь окружающими местами, заметил: «Как красивы эти твердыни гор и реки! Это — сокровище вэйского царства». На это У-цзы ответил: «Дело не в горах, а в добродетели», и развил пространную аргументацию для вразумления своего собеседника. Он сослался на пример ряда древних правителей, которые полагались именно на естественные укрепления своих владений, на неприступность их и забывали о важности добродетели. И какова же была их судьба? Правитель Саньмяо забыл о добродетели и долгे и был

свергнут Юем, положившим начало династии Ся. Однако Цзе-ван, последний государь династии Ся, правил государством не на основе гуманности. И что же? Чэн Тан восстал против него и сверг его. Но и новая династия, основанная Чэн Таном, также пала по аналогичным причинам. Последний государь этой династии Чжоуван правил государством не на основе добродетели, и восставший против него У-ван убил его, положив начало династии Чжоу. В трактате упоминается о двух последних случаях, причем У-цзы объясняет успех Чэн Тана и У-вана следующим образом:

«Когда Чэн Тан убил Цзе-вана, народ Ся возликовал; когда У-ван поразил Чжоу-вана, жители Инь не покричали его. В своих поступках те следовали велениям неба и желаниям людей» (I, 2, 5).

Он заканчивает свое увещание молодому князю такими словами: «На этом основании можно видеть, что дело не в горных укреплениях, а в добродетельности. Если Вы, государь, не будете соблюдать добродетель, люди на этом корабле все превратятся в ваших врагов».

Молодой князь мог ответить на это только словами одобрения и назначил полководца правителем района Сихэ.

Слава У-цзы гремела по всему княжеству, и, по-видимому, это подействовало на него самого, вообще весьма чувствительного к славе, как это явствует из всей его биографии. Однако Сыма Цянь передает такой рассказ, который, с одной стороны, рисует размеры самомнения У-цзы, с другой — его умение склоняться перед истиной, если она очевидна, хотя бы это и было невыгодно для его самолюбия.

В вэйском царстве предстояло назначение главного министра. Выбор князя остановился на сановнике по имени Тянь Вэнь. У-цзы, еще с молодых лет мечтавший о посте министра, считал, что он сам является наилучшим кандидатом на этот пост, и был очень недоволен. Обратившись к Тянь Вэню, он сказал: «Давайте поговорим о наших заслугах, хорошо?» — «Хорошо», — ответил Тянь Вэнь. У-цзы тогда спросил: «У кого из полководцев в его армии солдаты и офицеры с радостью идут на смерть, а враждебное государство не смеет даже и помы-

слить что-нибудь, у вас или у меня?» — «У вас», — отвечал Тянь Вэнь. «Кто умеет управлять чиновниками, быть близким к народу, наполнять сокровищницу государства, я или вы?» — спросил далее У-цзы. «Вы», — ответил Тянь Вэнь. «Кто защищает Сихэ так, что цинская армия не смеет обратиться на восток и послушна так же, как Хань и Чжао? Вы или я?» — продолжал У-цзы. «Вы», — ответил Тянь Вэнь. «В таком случае, если во всех этих отношениях я выше вас, почему же по положению вы выше меня?» — спросил тогда У-цзы. Тянь Вэнь на это ответил: «Когда государь малолетний, а государство неустойчиво, когда сановники не поддерживают его, а народ еще не доверяет ему, кому в таком случае доверить государство — вам или мне?» У-цзы некоторое время молчал, потом сказал: «Вам». — «Вот поэтому-то я и нахожусь выше вас», — сказал Тянь Вэнь. «У-цзы сам понял, что ему далеко до Тянь Вэня,—заканчивает свое изложение Сыма Цянь.

Служба У-цзы в вэйском царстве закончилась, однако, неудачей. На этот раз У-цзы пришлось не просто уйти, как из царства Лу, а бежать, спасая свою жизнь. У-цзы держался, по-видимому, доверием юного князя и признанием своих заслуг со стороны премьер-министра и фактического правителя — Тянь Вэня. Среди прочих же сановников княжества У-цзы своим неукротимым нравом и надменностью снискал, надо думать, немало врагов, которые и постарались свалить его, как только умер его покровитель Тянь Вэнь. Пост премьер-министра занял Гун Шу, враждебно настроенный к У-цзы. Чтобы удалить У-цзы, Гун Шу старался внушить князю, что верность У-цзы ненадежна, что он слишком «мудрый человек» для такого маленького государства, как Вэй. А поскольку рядом находится такое могучее государство, как Цинь, естественно, что У-цзы может помышлять о том, что в Цинь он может совершить более крупные дела, чем на службе в царстве Вэй. Искусно подстроенным маневром врагам У-цзы удалось достигнуть цели: князь перестал доверять У-цзы *. У-цзы заметил это и, зная, что может повлечь за собою в дальнейшем такое положение,

* См. Сыма Цянь, *Избранное*, стр. 78.

«боясь, — как говорит Сыма Цянь, — что его обвинят в каком-нибудь преступлении, в конце концов бежал» из вэйского царства.

После этого мы застаем его в царстве Чу. Здесь исполнилась юношеская мечта У-цзы: «Чуский князь Дао-ван давно уже слышал о мудрости У-цзы и, когда тот пришел к нему, сделал его министром Чу», — пишет Сыма Цянь.

В царстве Чу У-цзы во всем блеске развернул свои способности полководца и государственного деятеля. По сообщению Сыма Цяня, он провел ряд важнейших мероприятий по внутреннему управлению: улучшил законодательство, уничтожил лишние чиновничьи должности, удалил от двора многочисленную родню князя, всячески заботился о воинах, видя в армии главную силу государства. Как полководец он провел ряд победоносных кампаний против соседей. «На юге усмирил Боюэ; на севере присоединил Чэн и Цай и отбил Три Цзинь; на западе разбил Цинь, так что все князья стали опасаться могущества Чу», — пишет Сыма Цянь.

Эти подвиги еще более прославили его имя, но в то же время он как министр возбудил своими решительными действиями против сановников и знати сильнейшую ненависть к себе. Поэтому, когда его покровитель Дао-ван умер (в 381 г. до н. э.), эта знать немедленно подняла возмущение против министра и напала на него. У-цзы пришлось бежать. Сыма Цянь рисует драматическую картину последних минут его жизни. Спасаясь от напавших на него, У-цзы прибежал в зал, где лежало тело умершего князя, и укрылся за ним. Он надеялся, что это остановит преследователей. Но подданные князя не постыдились того, что копья, направляемые в ненавистного У-цзы, попадают в тело их господина. В конце концов эта защита не спасла У-цзы, и он был убит. Ненависть врагов была настолько сильна, что они не пощадили и весь род У-цзы. Сыма Цянь сообщает, что после его смерти было перебито свыше семидесяти семи семейств, принадлежавших к его роду.

Таким образом, деятельность У-цзы и в царстве Лу, и в царствах Вэй и Чу закончилась печально. Но зато она прославила его как полководца. Она дала возмож-

ность трактату, излагающему его учение о войне, сказать о нем: «Он защитил Сихэ. Больших сражений с князьями он имел семьдесят шесть, одержал полную победу в шестидесяти четырех из них; в прочих случаях сражения окончились вничью. Он расширил территорию во все четыре стороны, занял земли на тысячи миль. Таковы подвиги У-цзы». Таков полководец, почти всю свою жизнь проведший в походах и не знавший ни одного поражения.

* * *

Биография У-цзы, сообщаемая Сымом Цянем, ничего не говорит о трактате, соединенном с именем знаменитого полководца. В *Шицзи* упоминается только о том, что во времена Сымы Цяня ходило много руководств по военному искусству, установленных У-цзы. Таким образом, следы какого-то трактата, связанного с именем У-цзы, усматриваются еще в эпоху Сымы Цяня.

В истории Ханьской династии уже есть упоминание об этом трактате, причем указывается, что он состоял из сорока восьми глав. Как известно, трактат в том виде, в котором он дошел до нас, состоит из «Введения» и шести глав. Значит ли это, что трактат в своем первоначальном виде был больше или же в число этих сорока восьми глав входят комментарии и дополнения позднейших авторов, сказать трудно.

В известной военной библиографии ЧАО ГУНА* сообщается о трех частях трактата, состоящих из шести глав. Если исключить деление на три части, отсутствующие в ныне известном тексте, то описание трактата, приводимое ЧАО ГУНОМ, и по количеству глав, и по их порядку полностью совпадает с трактатом У-цзы, дошедшим до нас. Очень небольшие отличия имеются только в названиях глав. Как видно из самого трактата, в нем содержатся беседы У-цзы с вэйским князем Вэнь-хоу, а затем с его сыном У-хоу. Кроме этих бесед, в нем содержится ряд рассказов о самом У-цзы и о некоторых событиях того времени (введение и гл. VI). Все это в соединении

* 昊公武羣齋志

со сведениями об У-цзы, содержащимися в других источниках, свидетельствует о том, что трактат, названный по имени древнего стратега, появился после его смерти. В нем нашли свое отражение поучения У-цзы, записанные кем-либо из его учеников. По всей вероятности, трактат возник в вэйском царстве, так как в нем приводится лишь материал, связанный с вэйским периодом в жизни У-цзы. Таким образом, у нас есть все основания считать, что, хотя трактат и не является произведением самого У-цзы, он содержит учение знаменитого полководца.

У - Ц З Ы

ТРАКТАТ

О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

(Перевод)

ВВЕДЕНИЕ

1. У Ци *, в связи со своим военным искусством, был принят вэйским князем Вэнь-хоу.

2. Вэнь-хоу сказал: «Я не люблю военного дела». У Ци сказал: — По тому, что я вижу, я сужу о том, что скрыто; по тому, что было, я заключаю о том, что будет. Государь, почему у Вас слово расходится с мыслями?

3. Сейчас Вы круглый год приказываете выделять кожи, покрываете их киноварью и лаком, раскрашиваете их красной и синей краской, разрисовываете их слонами и единорогами. Но если надеть эти кожи на себя в зимние дни, они не согреют; если надеть их в летние дни, они не дадут прохлады. Большие пики Вы делаете длиною в два чжана четыре чи, малые пики — в один чжан два чи. Колесницы Вы строите такие, что они закрывают собою дома. Колеса у них покрыты кожей, втулки для осей прикрыты. Смотреть на них — они некрасивы, ездить на них по полям — они тяжелы. Я не знаю, государь, на что Вы их будете употреблять.

4. Если Вы заготовили это все для наступления и обороны, но при этом не нашли себе человека, который умеет всем этим пользоваться, это все равно, как если бы наседка стала бросаться на хорька, кормящая собака нападать на тигра. Пусть будет у Вас желание биться, все равно Вы сейчас же погибнете.

* Ци — имя У-цзы.

5. В древности Чэн Сан развивал у себя гражданское начало и забросил военное дело; этим он погубил свое государство. Ю Ху полагался во всем на многочисленное войско и ценил одну храбрость; этим он утратил свои родные храмы. Мудрый правитель, учась на этом, непременно у себя в стране развивает гражданские начала, а против внешних врагов держит наготове свою воинскую силу.

6. Поэтому не выступать против неприятеля — это значит не выполнять свой долг. Скорбеть о павших — это значит не иметь в себе гуманности.

7. Тут князь Вэнь-хуо сам разостлал для У-цзы циновку, супруга князя принесла ему чару вина; князь совершил в честь У-цзы возлияние в храме и поставил его у себя главным военачальником.

8. У Ци защитил Сихэ. Он имел больших сражений с князьями семьдесят шесть, одержал полную победу в шестидесяти четырех из них, в остальных случаях сражения окончились вничью. Он расширил территорию во все четыре стороны, занял землю на тысячи ли. Таковы подвиги У Ци.

Глава I

ЗАБОТА О ГОСУДАРСТВЕ

Часть первая

1. У-цзы сказал: — В древности все, кто заботился о государстве, непременно прежде всего просвещали свой народ и любили своих людей.

2. Есть четыре несогласия: когда в государстве нет согласия, нельзя выставить войско; когда в войске нет согласия, нельзя выступить в лагерь; когда в лагере нет согласия, нельзя двинуться и сразиться; когда в сражении нет согласия, нельзя добиться победы.

3. Поэтому, если государь, знающий Путь, хочет поднять свой народ, он прежде всего устанавливает согласие и только потом предпринимает большое дело.

4. Он не доверяет своим личным суждениям, а непременно объявляет об этом в храме предков, прибегает к гаданию по черепахе, сопоставляет это с временем и, если все сулит удачу, только после этого поднимается.

5. Когда народ, видя, что государь так бережет его жизнь, так скорбит о его смерти, предстанет вместе со своим государем перед опасностью, воины будут считать наступление и смерть славой, а отступление и жизнь — позором.

Часть вторая

1. У-цзы сказал: — Путь есть то, что обусловливает обращение к первооснове и возвращение к первоначалу. Долг есть то, что обусловливает совершение поступков и достижение результатов. Рассудительность есть то, что обусловливает удаление от вреда и приобретение выгоды. Сообразительность есть то, что обусловливает поддержание дела и сохранность сделанного.

2. Если у человека его действия не согласуются с Путем, если поступки не согласуются с долгом, то пусть он и находится среди великих, пребывает среди знатных — беда непременно настигнет его.

3. Поэтому совершенный человек посредством Пути приводит людей к благу, посредством долга управляет ими, посредством норм руководит их действиями, посредством гуманности привлекает их.

4. Где эти четыре добродетели осуществляются, там — подъем; где их отбрасывают, там — упадок.

5. Поэтому, когда Чэн Тан убил Цзе-вана, народ Ся возликовал; когда У-ван поразил Чжоу-вана, жители Инь не порицали его. В своих поступках те следовали велениям неба и желаниям людей. Поэтому они и смогли так сделать.

Часть третья

1. У-цзы сказал: — Правя государством и управляя армией, надлежит учить общественным нормам, воодушевлять сознанием долга, внушать чувство чести.

2. Когда у людей есть чувство чести, в большом государстве этого достаточно, чтобы сражаться, в малом государстве этого достаточно, чтобы защищаться.

3. Но побеждать сражаясь — легко. Побеждать защищаясь — трудно.

4. Поэтому и сказано: когда государства Поднебесной воюют, то у тех, кто победит пять раз, случается несчастье; кто победит четыре раза, тот ослабевает; кто победит три раза, тот становится первым среди князей; кто победит два раза — становится ваном; кто побежит один раз — становится верховным властителем. Мало таких, кто овладел Поднебесной частыми победами, но много таких, кто от этих побед погибал.

Часть четвертая

1. У-цзы сказал: — Причин, по которым начинается война, — пять. Первая — борьба из-за честолюбия, вторая — борьба из-за выгод, третья — накопление вражды, четвертая — внутренние беспорядки, пятая — голод.

2. Названий войны также пять. Первое — война справедливая, второе — война захватническая, третья — война личная, четвертое — война насилия, пятое — война против самих себя.

3. Когда пресекают насилия и спасают свою страну от беспорядков, — это война справедливая. Когда нападают, полагаясь на многочисленность своей армии, — это война захватническая. Когда поднимают войско из-за своего гнева, — это война личная. Когда отбрасывают всякую законность и гонятся за одной выгодой, — это война насилия. Когда поднимают всю страну и движут многочисленную армию, в то время как в стране беспорядки и люди изнемогают, — это война против самих себя.

4. Для прекращения каждой из этих пяти войн имеются свои пути. Справедливая война непременно прекращается законностью; захватническая война непременно прекращается смирением; личная война неизменно предупреждается искусственной речью; война насилия непременно преодолевается обманом; война против самих себя непременно преодолевается искусственной тактикой.

Часть пятая

1. Князь У-хуо сказал: — Я хотел бы узнать у Вас, как следует управлять армией, оценивать людей и укреплять свое государство.

2. У Ци на это ответил: — Мудрые государи древности строго соблюдали законы, касающиеся правителя и подданных, соблюдали правила, касающиеся высших и низших; они воспитывали народ в соответствии с обычаями, подбирали талантливых людей и, таким образом, были всегда готовы ко всяkim случайнostям.

3. В древности циский князь Хуань набрал пятьдесят тысяч воинов и благодаря им стал гегемоном среди князей. Цзиньский князь Вэнь набрал в свои передовые части сорок тысяч человек и благодаря им добился исполнения своих желаний. Циньский князь Му имел тридцать тысяч непобедимого войска и благодаря этому покорил своих противников — соседей.

4. Поэтому правители могучих государств обязательно изучают свой народ. Они собирают из своего народа отважных и храбрых, сильных духом и телом и составляют из них отряд; они собирают таких, кто с радостью идет в бой, отдает все свои силы борьбе и этим проявляет свою преданность и храбрость, и составляют из них отряд; собирают таких, кто может переходить через горы, проходить далекие расстояния, кто быстр в ходьбе, умеет хорошо делать переходы, и составляют из них отряд; они собирают таких слуг, кто утратил свое положение и хочет снова иметь заслуги пред государем, и составляют из них отряд; они собирают таких, кто сдали крепости, не смогли защититься, кто хочет смыть свой позор, и составляют из них отряд. Эти пять отрядов являются отборными частями армии.

5. Если иметь три тысячи таких людей, можно, выходя изнутри, прорвать окружение противника, вторгаясь извне, заставить его крепость пасть.

Часть шестая

1. Князь У-ху спросил: — Я хотел бы узнать, как нужно поступать, чтобы лагерь был всегда крепок, чтобы защита была всегда надежной, чтобы бой всегда приводил к победе.

2. У Ци на это ответил: — Это можно видеть тут же, сейчас. Разве об этом спрашивают?

3. Когда государь умеет умных ставить наверху, а

неразумных помещать внизу, его лагерь уже тем самым будет прочен.

4. Когда весь народ спокоен на своих полях и в своих домах, когда он питает добрые чувства к чиновникам, оборона уже тем самым крепка.

5. Когда народ считает своего государя хорошим, а соседние государства дурными, сражение уже тем самым выиграно.

Часть седьмая

1. Князь У-хой однажды совещался со своими слугами, и среди них не оказалось ни одного, кто мог бы с ним сравниться по уму. Поэтому, покидая зал совета, он имел довольный вид.

2. У Ци тогда выступил и сказал: — В прежние времена чуский князь Чжуан однажды совещался со своими слугами, и среди них не оказалось ни одного, кто мог бы с ним сравниться по уму. Поэтому, покидая зал совета, он имел опечаленный вид. Шэнь-гун спросил его: «Государь, у вас опечаленный вид, отчего это?» И тот ответил: «Я слышал, что на свете всегда бывают совершенные, что в государстве никогда не бывает недостатка в умных. Кто сумеет получить в наставники совершенного, тот — ван; кто умеет получить в друзья умных, тот — гегемон. Но вот я... у меня нет талантов. И среди моих слуг нет ни одного, кто мог бы сравниться со мной по уму. Чуское государство в опасности».

Чуский Чжуан-ван был опечален этим. Вы же, государь, этим довольны. В душе своей я побаиваюсь.

Глава II

ОБ ОЦЕНКЕ ПРОТИВНИКА

Часть первая

1. Князь У-хой, обращаясь к У-цзы, сказал: — В настоящее время Цинь грозит мне с запада, Чу охватывает меня с юга, Чжао толкает меня с севера, Ци стоит передо мной на востоке, Янь отрезает мне дорогу на-

зад, Хань преграждает мне путь вперед. Армии шести государств стерегут меня со всех сторон. Положение мое чрезвычайно затруднительно. Я очень опечален этим. Что мне делать?

2. У Ци ответил: — Для того чтобы сохранить государство в благополучии, самое драгоценное — это предосторожность. Сейчас Вы, государь, уже приняли меры предосторожности. Беда далека от Вас.

3. Попрошу Вас обсудить нравы и обычай в этих шести государствах. Армия у Ци: она упорна, но не крепка. Армия у Чинь: там сражаются по отдельности, каждый сам по себе. Армия у Чу: она хорошо организована, но не может устойчиво держаться. Армия у Янь: она хорошо защищается и не бежит. Армия у Хань и Чжао: она хорошо организована, но не может быть использована.

4. Нрав у цисцев твердый; страна у них богатая; князья и их слуги надменны и предаются роскоши, о народе не думают. Правление у них слабое, жалованья не равномерны. В одном строю у них два сердца. Передовые части у них упорны, задние ненадежны. Поэтому армия Ци внушительна, но не крепка.

5. Для того чтобы разбить ее, нужно разделить ее на три части, гнать ее справа и слева, угрожая, все время следовать за ней; тогда она будет разбита.

6. Нрав у циньцев сильный; земля у них гористая, правление у них строгое, награды и наказания справедливы. Люди там неуступчивы и преисполнены боевого духа. Но они сражаются по отдельности, каждый сам за себя.

7. Для того чтобы разбить их, нужно прежде всего поманить их какой-нибудь выгодой и самому отойти. Воины у них, жадные до добычи, отделятся от своих военачальников. Если этим воспользоваться и погнать их по отдельности, устроить засаду и ударить в нужный момент, можно захватить и их полководца.

8. Нрав у чусцев слабый; страна у них обширная, правление шумливое, народ утомлен. Поэтому, хотя армия у них и хорошо организована, она не может продержаться долго.

9. Для того чтобы разбить ее, нужно сначала, напав на ее расположение, лишить ее энергии, продвинуться вперед потихоньку, отступить назад быстро, утомлять ее и довести до истощения, в открытый же бой не вступать. Такая армия будет разбита.

10. Нрав у яньцев прямой, народ у них добронравный, любит храбрость и справедливость, хитрость и обман у них редки. Поэтому армия у них хорошо защищается и не бежит.

11. Для того чтобы разбить ее, нужно идти за нею и тревожить ее, но, соприкоснувшись с ней, сейчас же от нее отделиться; погнавшись за ней, сейчас же отойти назад. Тогда высшие у них растеряются, низшие станут бояться. Если спрятать свои боевые колесницы и всадников на той дороге, по которой они обязательно будут подходить, их полководец попадет в плен.

12. Чжао и Хань — государства, расположенные посредине. Нрав у них мягкий, правление справедливое, но народ у них устал от войн; они привычны к военно-му делу, но плохо стушаются командиров, считают, что жалованье у них слишком малое, у воинов нет готовности умереть. Поэтому, хотя армия у них и хорошо организована, она не может быть пущена в ход.

13. Для того чтобы разбить их, нужно производить давление на них на расстоянии. Если появится большое войско, отражать его; если они пойдут назад, преследовать их и таким образом утомлять их войска. Таково положение с их армиями.

14. В армии всегда найдутся воины, храбрые, как тигры; найдутся сильные, легко поднимающие тяжелый треножник; найдутся ходоки, идущие быстрее боевых коней; всегда найдутся люди, которые смогут отнять знамя, заколоть полководца. Таких нужно отобрать, отделить их от прочих, любить и ценить их. В них — судьба армии.

15. Если окажутся такие, кто искусен в употреблении оружия, кто способен и силен, крепок здоровьем и подвижен, кто помышляет о том, чтобы поглотить противника, нужно добавить им титулов и с их помощью добиться победы.

16. Если заботиться об их отцах и материах, женах и детях, если награждать их щедро, а наказывать строго, это будут воины, укрепляющие армию; с ними можно продержаться долго. Если уметь тщательно оценивать все это, можно разбить вдвое сильного противника.

17. Князь У-хуо сказал: — Хорошо!

Часть вторая

1. У-цызы сказал: — Займемся оценкой противника. Таких противников, с которыми надлежит, не прибегая ни к каким гаданиям, вступать в бой, бывает восемь.

2. Первый: когда он при резком ветре и сильном холде встает рано и, проснувшись, сразу же уходит, переходит реки, ломая лед, и не боится трудностей.

3. Второй: когда в разгаре лета в сильную жару он встает поздно и, не давая себе отдыха, идет и идет, терпит голод и жажду, старается преодолеть большое расстояние.

4. Третий: когда его войско уже долго стоит на месте, когда провианта у него уже нет, когда население злобствует и гневается, когда неблагоприятные знамения появляются одно за другим, когда полководец не может со всем этим справиться.

5. Четвертый: когда боевые припасы уже истощены, топлива и корма для коней мало, когда погода ненастная, дождей много, когда хочешь пограбить и нечего.

6. Пятый: когда солдат немного, когда с водой и с местностью неблагополучно, когда люди и кони болеют, а от соседей никто не приходит.

7. Шестой: когда дорога далекая, а день уже смеркся, когда воины устали и боятся, когда они изнурены и еще не ели, когда они, сняв с себя доспехи, отдыхают.

8. Седьмой: когда авторитет полководца слаб, власть командиров непрочна, солдаты неустойчивы; когда армия постоянно пугается, когда помощи ей ниоткуда нет.

9. Восьмой: когда позиция еще не выбрана, разбивка лагеря еще не закончена; когда они идут по склону и переходят высоту, наполовину скрыты из вида, наполовину видны.

10. На таких противников надлежит нападать без всяких колебаний.

11. Таких противников, от которых надлежит, не прибегая ни к каким гаданиям, уклоняться, бывает шесть.

12. Первый: когда территория у противника обширная и людей и богатств много.

13. Второй: когда у него высшие любят низших и благодеяния распространяются повсюду.

14. Третий: когда награды у него справедливы, а наказания заслужены, когда прибегают к тому и другому обязательно своевременно.

15. Четвертый: когда возвышают за заслуги и помещают в ряды знатных, когда вверяют дела умным и пользуются талантливыми.

16. Пятый: когда войско многочисленное, а вооружение наилучшее.

17. Шестой: когда все соседи шлют подкрепления, когда помогает большое государство.

18. Если вы не превосходите такого противника, уклоняйтесь от столкновения с ним без всяких колебаний.

19. Это значит: выступай, когда видишь, что можно, отступай, когда знаешь, что трудно.

Часть третья

1. Князь У-ху спросил: — Я хотел бы уметь по внешнему виду противника узнавать его внутреннее состояние; по тому, как он идет, понимать, как он стоит, и таким способом определять победу и поражения. Могу ли я услышать об этом от Вас?

2. У-цзы ответил: — Если противник идет легкомысленно и беспечно, если знамена у него в беспорядке, если люди и кони у него все время оборачиваются по сторонам, можно с одним нападать на десятерых. Только не следует ни в коем случае давать ему выправиться.

3. Если к нему не собираются князья, если между государством и подданными несогласие, если рвы и валы не сооружены, если запрещения и приказы не издаются, если армия беспорядочно шумлива, хочет идти вперед

и не может, хочет идти назад и не осмеливается, можно с половинными силами напасть на вдвойне сильнейшего противника. В таком случае сражайся хоть сотню раз, опасности не будет.

Часть четвертая

1. Князь У-ху спросил: — Когда обязательно надлежит нападать на противника?

2. У-цзы на это ответил: — Ведя войну, необходимо точно знать, в чем сильные и слабые стороны противника, и направиться туда, где у него опасное место.

3. Надлежит нападать тогда, когда противник только что прибыл издалека и его ряды еще не пришли в порядок.

4. Надлежит нападать тогда, когда противник занят едой и не принял еще мер предосторожности.

5. Надлежит нападать, когда он торопится и спешит.

6. Надлежит нападать, когда противник излишне усердствует.

7. Надлежит нападать, когда он еще не успел воспользоваться выгодами местности.

8. Надлежит нападать, когда он, ошибившись во времени, не сообразуется с ним.

9. Надлежит нападать, когда он совершил длинный переход и его задние ряды еще не успели отдохнуть.

10. Надлежит нападать, когда он, переходя реку, успел перейти ее только наполовину.

11. Надлежит нападать, когда он находится на горных путях, на узких дорогах.

12. Надлежит нападать, когда он часто переходит с позиций на позицию.

13. Надлежит нападать, когда знамена у него движутся в беспорядке.

14. Надлежит нападать, когда полководец оторван от своих командиров и солдат.

15. Надлежит нападать, когда он преисполнен страха.

16. В таких случаях надлежит отобрать лучшие части и ударить на него; затем разделить свое войско на части и направиться вслед за ним. Следует нападать на него без колебаний.

Глава III

ОБ УПРАВЛЕНИИ АРМИЕЙ

Часть первая

1. Князь У-ху спросил: — Что самое важное в руководстве армией?

2. У-цзы ответил: — Самое важное — это уяснить себе «четыре легкости», «две тяжести», «одну беспристрастность».

3. Князь сказал: — Что это такое?

4. У-цзы ответил: — Нужно делать так, чтобы для земли была легка лошадь, для лошади легка повозка, для повозки легок человек, для человека легко сражение.

5. Если хорошо знать, что такое неровная и ровная поверхность, для земли будет легка лошадь.

6. Если сено и овес давать вовремя, для лошади будет легка повозка.

7. Если смазка для колес в избытке, для повозки будет легок человек.

8. Если копья остры, а доспехи крепки, для человека будет легко сражение.

9. При наступлении надлежит раздавать щедрые награды; при отступлении надлежит налагать тяжелые наказания. Осуществлять то и другое надлежит с беспристрастием.

10. Кто сможет во всей полноте все это постигнуть, тот — хозяин победы.

Часть вторая

1. Князь У-ху спросил: — Чем армия побеждает?

2. У-цзы ответил: — Она побеждает своею организованностью.

3. Князь снова спросил: — А не численностью?

4. У-цзы на это ответил: — Когда приказы и предписания непонятны, когда награды и наказания не беспристрастны, когда люди не останавливаются, хотя им и подают сигнал к отступлению, когда они не идут вперед.

хотя им и подают сигнал к наступлению, пусть будет их и миллион, на что они пригодны?

5. А организованность армии это вот что такое: когда во время ее пребывания на месте держится установленный порядок; когда во время ее движения чувствуется мощь; когда при наступлении никто не может устоять перед ней; когда во время отступления никто не осмеливается преследовать ее; когда продвижение вперед и движение назад делается по правилам, когда каждое движение направо и налево делается по команде; когда воины, даже будучи отрезаны, сохраняют строй, даже будучи рассеяны, держат свои ряды; когда полководец вместе с ними и в благополучии, вместе с ними и в опасности; когда все его войско можно легко соединить и нельзя разъединить; когда это войско можно пускать в дело и нельзя его при этом утомить; когда его бросают куда угодно и во всей Поднебесной нет никого, кто мог бы ему противостоять. Это и называется «армия отца и детей».

Часть третья

1. У-цзы сказал: — Когда ведешь армию, нужно не нарушать правил движения, не допускать упущений в распорядке пищи и питья, не истощать силы людей и коней. Эти три условия обеспечивают возможность для солдат выполнения приказов командования. Возможность же выполнять приказы командования и есть то, из чего рождается организованность.

2. Когда же в движении нет порядка, когда в еде и питье нет правильности, когда лошади устали и не расседланы, люди утомлены и располагаются на отдых, этим достигается то, что солдаты не в силах исполнять приказ командования. А когда приказы уже не действуют, то во время стоянки на месте появляется беспорядок, во время боя наступает поражение.

Часть четвертая

1. У-цзы сказал: — Поле битвы — место, где оставляют трупы. Когда считают смерть в бою неизбежной, остаются в живых; когда считают за счастье жизнь, — умирают.

2. Хороший полководец как будто бы находится на тонущем корабле, в горящем здании. Этим он делает безрезультатными все хитросплетения мудрецов противника, делает бесплодной всю пылкость его храбрецов. Он может принять противника.

3. Самое вредное в руководстве армией — это чрезмерная осторожность обезьяны Ю и чрезмерная недоверчивость лисицы Гу.

Часть пятая

1. У-цзы сказал: — Люди обычно находят смерть в том, в чем они неискусны, терпят поражения в том, что они не умеют с пользой применять. Поэтому в ведении войны самое главное — обучение и наставление.

2. Когда научится сражаться один человек, он обучит десять других; когда искусству боя обучатся десять, они обучат сто; когда военному делу обучатся сто человек, они обучат тысячу; когда военному делу обучатся тысяча человек, они обучат десять тысяч; когда военному делу обучатся десять тысяч человек, они обучат всю армию.

3. Противопоставляй далекому близкого; противопоставляй утомленному свежего; противопоставляй голодному сытого.

4. Обучайте строиться в круг и в квадрат, садиться и вставать, маршировать и стоять на месте, делать повороты налево и направо, идти вперед и назад, разделяться и соединяться, собираться и рассеиваться. Когда они напрактикуются в каждом таком перемещении, дайте им оружие. Это — дело полководца.

Часть шестая

1. У-цзы сказал: — По учебному уставу низкорослые вооружены пиками и рогатинами, высокорослые вооружены луками и арбалетами, сильные несут знамена, храбрые несут барабаны и гонги, слабые служат при конях и на кухне, сообразительные берутся в штабы.

2. Солдаты из одних и тех же уездов и деревень дружны друг с другом, солдаты каждого пятка и десятка защищают друг друга.

3. Один удар в барабан — подготовить оружие, два удара — произвести нужную перестановку, три удара — требование пищи, четыре удара — вооружиться для боя, пять ударов — строиться в ряды. Слушают окончание сигнала барабана и только после этого поднимают знамена.

Часть седьмая

1. Князь У-ху спросил: — Есть ли какие-нибудь правила для движения армии?

2. У-цзы ответил: — Не следует производить движение в виду «Небесного котла», в виду «Драконовой головы». «Небесный котел» — вход в глубокое ущелье, «Драконова голова» — край высокой горы.

3. Надлежит всегда Синего дракона иметь слева, Белого тигра — справа, Красного сокола — впереди, Черную черепаху — позади, Средний дворец — над собой, самому же быть под ним.

4. Если собираетесь вступить в бой, надлежит внимательно определить направление ветра. Если ветер попутный, надо, издавая боевой клич, направиться на противника; если ветер противный, надо укрепиться на своей позиции и ждать противника.

Часть восьмая

1. Князь У-ху спросил: — Есть ли какие-нибудь способы ухода за боевым конем?

2. У-цзы ответил: — Коня надо помещать в спокойное место, нужно давать своевременно корм и воду, умеренно кормить, зимою надлежит утеплять конюшню, летом устраивать прохладные навесы; надо подстригать хвост и гриву, тщательно обрезывать копыта, прикрывать глаза и уши, чтобы конь не пугался; нужно учить управлять конем и обучать обращению с ним. Когда человек и конь станут дружны, после этого можно конем пользоваться.

3. Необходимо, чтобы сбруя: седла, удила, уздечка, вожжи — все это было прочным. Вообще обычно с конем ничего не случается потом, а вначале обязательно что-нибудь делается; он не заболевает от голода, а от

сстысти обязательно заболевает. Если солнце уже заходит, а дорога еще далека, нужно не раз сойти с коня. Лучше пусть утомится человек, но остерегайтесь утомлять коня. Делайте так, чтобы у него всегда был избыток сил, чтобы он был всегда готов на случай нападения противника. Кто сумеет это хорошо понять, тот будет свободно действовать в Поднебесной.

Г л а в а IV

о полководце

Часть первая

1. У-цзы сказал: — Человек, в котором сочетаются и гражданское начало и воинское начало, — это полководец армии. То, в чем соединяется и твердость и мягкость, есть руководство армией.

2. Вообще говоря, люди, рассуждающие о полководце, обычно видят в нем одну храбрость. Но храбрость полководца — всего лишь одна его сторона. Просто храбрый человек обязательно легкомысленно ввязывается в борьбу, а тот, кто легкомысленно ввязывается в борьбу и не разбирает, где выгода, тот непригоден.

3. Поэтому есть пять пунктов, к которым полководец должен быть особо внимательным. Первое — закон руководства, второе — постоянная готовность, третье — отвага, четвертое — блестительность, пятое — простота.

4. Закон руководства — это значит: управлять многочисленным войском как будто бы небольшим отрядом.

5. Постоянная готовность — это значит: как будто бы, выйдя за ворота, увидеть перед собой противника.

6. Отвага — это значит: находясь перед лицом противника, не думать о жизни.

7. Осторожность — это значит: уже победить, но сражаться как будто в первый раз.

8. Простота — это значит: приказы кратки и просты.

9. Получить повеление и не попрощаться с семьей, разбить противника и только после этого вернуться домой — таков закон полководца.

Часть вторая

1. У-цзы сказал: — Вообще в войне есть четыре пружины. Первая — пружина духа, вторая — пружина местности, третья — пружина действий, четвертая — пружина силы.

2. Легкость или трудность действий всей массы армии, всего миллионного войска заключены в человеке — это пружина духа.

3. Дорога — узкая, путь — крутой, кругом — высокие горы, отвесные стены; место, которое могут защитить десять человек, и тысяча человек не пройдет, — это пружина местности.

4. Умело пользоваться шпионами, действовать по всем направлениям летучими отрядами, рассеивать противника, возбуждать вражду между его государем и подданными, ненависть между высшими и низшими — это пружина действия.

5. У колесниц оси крепкие, у кораблей весла хорошо действуют, воины обучены воинскому строю, кони привычны к бегу — это пружина силы.

6. Тот, кто знает эти четыре пружины, тот может стать полководцем.

7. Властности, добродетельности, гуманности и храбрости достаточно для того, чтобы, ведя за собою своих подчиненных, сохранять спокойствие в своем войске, устрашать противника, рассеивать всякие сомнения. Он приказывает — и подчиненные не осмеливаются послушаться. Он пребывает в каком-нибудь месте — и враг не осмеливается выступить против него. Если такого человека найти, государство будет сильным, если такого человека потерять, государство погибнет. Такого человека называют хорошим полководцем.

Часть третья

1. У-цзы сказал: — Барабанами, литаврами, гонгами и колокольчиками воздействуют на слух; бунчуками, знаменами, флагами и значками воздействуют на зрение; запрещениями и приказаниями, карами и наказаниями воздействуют на сердца.

2. На слух воздействуют голосом; следовательно, голос должен быть звонким. На глаз воздействуют цветом; следовательно, цвет должен быть отчетливым. На сердца воздействуют карами; следовательно, кары должны быть строгими.

3. Если эти три вещи не установлены, пусть даже и владеют государством, непременно будут разбиты противником.

4. Поэтому и сказано: «Военачальник поманит — все к нему, все за ним! Военачальник укажет — все вперед, все на смерть!»

Часть четвертая

1. У-цы сказал: — Самое важное в войне — это обязательно прежде всего разгадать полководца противника и выяснить его способности. Если применить против него тактику в зависимости от его состояния, можно иметь успех без особой затраты сил.

2. Если он глуп и верит людям, надлежит завлечь его обманом.

3. Если он корыстолюбив и не бережет своей репутации, надлежит подкупить его сокровищами.

4. Если он легок на всякие перемены и не имеет твердого плана, надлежит, утомив его, довести до изнеможения.

5. Если высшие у него богаты и высокомерны, а низшие бедны и ропщут, надлежит разъединить их.

6. Если его поступки преисполнены колебаний, если его войско не знает, на что опереться, надлежит нагнать на него страх и обратить в бегство.

7. Если его воины относятся к своему полководцу пренебрежительно и стремятся домой, надлежит заградить им ровную дорогу и открыть гористую, встретить их и взять.

8. Если путь наступления у него легок, путь отступления труден, надлежит дать ему подойти и ударить на него.

9. Если путь наступления у него горист, путь отступления ровен, надлежит подступить к нему и ударить на него.

10. Если он расположил свою армию в низменной местности, где нет стока для воды, и если при этом часто идут проливные дожди, надлежит залить его водою и затопить.

11. Если он расположил свою армию в дикой местности, где все заросло густой травой и кустарником, и если при этом часто дуют сильные ветры, надлежит за-жечь их и уничтожить [противника].

12. Если он долго стоит на одном месте и никуда не двигается, если его командиры и воины все обленились и его армия к бою не готова, надлежит, скрыто подготавливвшись, атаковать его.

Часть пятая

1. Князь У-ху спросил: — Допустим, что обе армии стоят друг против друга, и я не знаю их полководца, но хочу по внешним признакам определить его достоинства. Каким способом это можно сделать?

2. У-цзы ответил: — Надо взять кого-нибудь из низших по чину, но храброго, дать ему легкий отборный отряд и поручить испытать этого полководца. Только пусть они постараются убежать, а не будут стараться добиться чего-нибудь.

3. Пусть они наблюдают, как будет подходить противник. Если он то сядет, то встанет и все управление у него будет организовано; если он, преследуя бегущих наших, станет притворяться, будто бы он не может догнать; если, видя перед собой какую-нибудь выгоду, он станет притворяться, будто бы не понимает ее, — такого полководца можно назвать умным. Не следует вступать с ним в бой.

4. Если же его войско шумливо, знамена в беспоряльке; если его солдаты идут каждый сам по себе, останавливаются тоже каждый сам по себе; если построены они у него то вдоль, то поперек; если, преследуя бегущих наших, он боится, как бы только не упустить их; если, видя выгоду, он страшится, как бы только не упустить ее, — это будет глупый полководец. Пусть будет у него и много войск, захватить его можно.

Глава V

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ

Часть первая

1. Князь У-ху спросил: — Допустим, что колесницы прочные, кони добрые, полководец храбрый, солдаты сильные, но при внезапной встрече с противником все приходит в беспорядок и весь строй оказывается нарушенным, что тогда с этим делать?

2. У-цзы ответил: — Вообще, по законам войны, днем все сообразуется со знаменами, бунчуками, флагами и значками, ночью все сообразуется с гонгами, барабанами, свирелями и флейтами. Когда дают сигнал «налево», поворачивают налево, дают сигнал «направо», поворачивают направо; когда бьют в барабаны — выступают, ударяют в гонги — останавливаются; проигрывают на флейте один раз — идут, проигрывают два раза — собираются; тех же, кто не подчиняется приказам, казнят. Если армия покорна воле полководца, если командиры и солдаты выполняют приказания, при бое не бывает сильного противника, при нападении не бывает крепкой позиции.

Часть вторая

1. Князь У-ху спросил: — Если войск у противника много, а у нас мало, как тогда поступать?

2. У-цзы ответил: — Надо уклоняться от столкновения с ним на ровной местности и ударить на него в теснине.

3. Поэтому и говорится: для того чтобы ударить одному на десятерых, нет ничего лучшего, чем теснина; для того чтобы ударить с десятью на сотню, нет ничего лучшего, чем круча; для того чтобы ударить с тысячей на десять тысяч, нет ничего лучшего, чем местность холмистая и овражистая.

4. Если, имея мало солдат, внезапно подняться и под дороге в теснине ударить в гонги и забить в барабаны,

пусть у него будет и очень много войска, он не сможет; не перепугаться.

5. Поэтому и говорится: у кого много войска, тот старается расположиться на местности ровной; у кого мало войска, тот старается расположиться в теснине.

Часть третья

1. Князь У-ху спросил: — Если у противника есть войско и очень многочисленное, если он воинствен и храбр, если в тылу у него высокая гора, перед ним — пропасть, если справа у него гора, слева вода, если рвы у него глубокие, валы высокие, если защищаются они большими самострелами, если его отступление подобно движению гор, если его наступление подобно ветру и дождю, если у него съестных припасов также много и мне трудно держаться долго против него, — как в этом случае поступить?

2. У-цзы отвечал: — Замечательный вопрос! Тут дело уже не в силах боевых колесниц и коннице, здесь нужен ум совершенного мудреца.

3. Следует снарядить тысячу боевых колесниц и десять тысяч всадников, добавить к ним пехоту и разделить все это на пять отрядов. Каждый отряд пусть действует в своем направлении. Когда пять отрядов станут действовать в пяти направлениях, противник непременно растеряется и не будет знать, с какой стороны последует удар.

4. Если противник упорно защищается, если его солдаты держатся крепко, надо как можно скорее послать к нему лазутчиков и таким способом разведать о его замыслах. Если он послушается нашего посланца, он снимется с позиций и уйдет. Если же он не послушается, посланного убьет, а послание сожжет, нужно, разделившись, начать бой в пяти местах. Однако в случае победы не следует пускаться в преследование. Когда победы нет, надлежит быстро уходить.

5. Таким образом, если станешь то притворно обращаться в бегство, то медленно продвигаться, то стремительно бросаться в битву, если один твой отряд заградит ему дорогу вперед, другой отряд отрежет дорогу назад,

если оба твоих отряда, закусив во рту палочки, будут действовать то справа, то слева и атакуют его незащищенное место; если все пять твоих отрядов поочередно настигнут его, — непременно будет успех. Таков способ удара на сильного противника.

Часть четвертая

1. Князь У-ху спросил: — Допустим, что противник приближается ко мне и настигает. Я хочу уйти от него, но дороги у меня нет, и солдаты мои в чрезвычайном страхе. Что в этом случае делать?

2. У-цзы ответил: — Способ действия в этом случае таков: если у меня войск много, а у него мало, надо разделить свои силы и действовать посредством их. Если у меня войск мало, а у него много, надо действовать против него тактическим искусством. Если действовать так неуклонно, он покорится, хотя бы у него и было много войск.

Часть пятая

1. Князь У-ху спросил: — Если я повстречался с противником в ущелье и рядом со мною высокие кручи и пропасти, причем у него войск много, у меня мало, что надо делать?

2. У-цзы ответил: — Если встретились с ним в холмистой местности, в лесистых долинах, в глубоких горах, в больших болотах, идите быстро и скорее уходите оттуда. Медлить нельзя. Если встретились с ним среди высоких гор, в глубокой долине неожиданно, непременно прежде всего действуйте на него барабанным боем и воинственными криками, наступайте с луками и самострелами, стреляйте, захватывайте пленных и внимательно наблюдайте за порядком или беспорядком у него. В последнем случае нападайте без колебаний.

Часть шестая

1. Князь У-ху спросил: — Если неожиданно сталкиваешься с противником, когда слева и справа высокие

горы, пространство очень тесное; если хочешь ударить на него и не осмеливаешься, хочешь уйти от него и не можешь, что в этом случае делать?

2. У-цзы ответил: — Это называется «бой в долине». В этом случае, если даже иметь большое войско, ничего с ним поделать нельзя. Нужно собрать лучших воинов и поставить их против неприятеля, легкую пехоту с лучшим оружием выставить вперед, разделить боевые колесницы и расставить конницу, спрятать ее по всем четырем сторонам на расстоянии нескольких ли. Эти воинские части никак нельзя давать ему обнаруживать. Противник непременно укрепится на своей позиции и не рискнет ни наступать, ни отступать. Тогда следует выставить знамена, расставить значки, двинуться, выйти за пределы гор и расположиться там. Противник непременно устремится. Боевые же колесницы и конница пусть вызывают его на бой и не дают ему покоя. Такова тактика боя в долине.

Часть седьмая

1. Князь У-ху спросил: — Допустим, что я столкнулся с противником в болотистой местности, где много воды; колеса у меня покривились, дышла погрузились в воду, вода добралась до колесниц и всадников, лодок же у меня не припасено, двигаться мне нельзя ни вперед, ни назад. Что в этом случае делать?

2. У-цзы ответил: — Это называется «бой на воде». Конечно, пользоваться колесницами и конницей в этом случае невозможно, поэтому надлежит на время оставить их в стороне. Забравшись же на какую-нибудь возвышенность, надо осмотреть всю местность вокруг, и тогда обязательно узнаешь, как обстоит дело с водой. Узнав же местность, определив степень разлиния воды, определив ее глубину и выработав на основании этого свою тактику, сможешь победить противника. Если же противник станет переходить воду, надлежит настигнуть его во время перехода.

Часть восьмая

1. Князь У-хой спросил: — Допустим, что в течение продолжительного времени идут непрерывные дожди, кони падают, колесницы останавливаются, кругом противник, армия в страхе. Что в этом случае делать?

2. У-цзы ответил: — Когда употребляют колесницы, они останавливаются, если почва толкая, и идут, если почва сухая; они любят высокие места и не любят низкие. Пускать в ход нужно особо прочные колесницы. Пускай их в ход или останавливая их, надлежит придерживаться этого правила. Если же противник поднимется с места за ними, надлежит пойти по его следам.

Часть девятая

1. Князь У-хой спросил: — Допустим, что внезапно появляются свирепые разбойники, опустошают мои поля, забирают мой скот, что в этом случае делать?

2. У-цзы ответил: — Если появятся свирепые разбойники, непременно считайтесь с их силой, хорошенько защищайтесь и не выходите с ними на бой. Вечером, когда они уйдут, груз у них будет непременно тяжелым, в сердцах у них непременно будет боязнь, они будут стараться поскорее уйти и среди них непременно окажутся отстающие. Если тогда погонитесь за ними и ударите на них, можно будет разбить их отряд.

Часть десятая

1. У-цзы сказал: — Закон нападения на противника и осады крепости заключается в следующем: когда укрепленный город уже пал, займите дворец противника и распорядитесь выдать жалованье его вассалам, утварь же возьмите себе. Там, где находится ваша армия, пусть не рубят деревьев, не разрушают жилищ, не забирают зерно, не убивают домашних животных, не жгут запасов. Покажите населению, что в вас нет жестокости. Если окажутся просящие о сдаче — помилуйте их и успокойте.

Г л а в а VI

О ПООЩРЕНИИ ВОИНОВ

1. Князь У-ху спросил: — Когда наказания строги, а награды справедливы, этого достаточно для победы?

2. У-цзы ответил: — Об этом — строгости и справедливости — я судить не могу. Но скажу только, что на это одно полагаться нельзя. Вот когда отдают распоряжения, издают приказы и люди ревностно исполняют их; когда поднимают войско, двигают массу людей и люди с радостью сражаются; когда скрещивают оружие, ударяют клинком о клинок и люди с радостью умирают, вот тогда — дело другое: эти три вещи являются действительной опорой властителя.

3. Князь У-ху сказал: — А как это сделать?

4. У-цзы ответил: — Государь, приглашайте тех, у кого есть заслуги, и устраивайте в честь их пиры. Воодушевляйте этим тех, у кого нет заслуг.

5. Тогда князь У-ху устроил у себя во дворе храма предков сидения, поставил их в три ряда и позвал своих воинов и сановников на пир. Людей с большими заслугами он усадил в передний ряд, и яства у них были отборные, утварь драгоценная. Следующих по заслугам он посадил в средний ряд, и яства и утварь у них были уже несколько хуже. Не имеющих же никаких заслуг он поместил в задний ряд, и у них были яства, но не было дорогой утвари. Когда пир закончился, князь вышел наружу. За воротами храма предков он раздал подарки отцам и матерям, женам и детям тех, кто имел заслуги, причем опять-таки соблюдал разницу в зависимости от заслуг. К семьям умерших на службе он каждый год направлял посланцев и слал подарки их отцам и матерям; он показывал, что в сердце своем он о них не забывает.

6. Так он устраивал это в течение трех лет. И вот циньцы подняли войско и подступили к Сихэ. Вэйские воины, услышав об этом, не дожидаясь приказа командира, надели панцири и шлемы и пошли на противника. Таких насчитывалось десять тысяч.

7. Тогда князь У-ху призвал У-цзы и сказал ему: — Ваше наставление, преподанное тогда, привело к результату.

8. У-цзы ответил: — Я слышал, что у людей есть достоинства и недостатки, у них бывает и подъем энергии и упадок ее. Государь, попробуйте послать пятьдесят тысяч человек, не имеющих заслуг, я же попрошу Вас доверить мне командование ими и повести их против Цинь. И если я не добьюсь победы, пусть смеются все князья.. пусть будет потерян весь мой авторитет в Поднебесной..

9. Предположите, что Вы спрятали на обширной равнине всего одного разбойника, но готового умереть. Тысяча человек станут ловить его, и все будут озираться во все стороны, как совы, оглядываться по сторонам, как волки. Ибо каждый из них будет бояться, что тот внезапно выскочит и убьет его. Поэтому достаточно одного человека, решившегося расстаться с жизнью, чтобы нагнать страх на тысячу человек. А я сейчас таким решившимся на смерть разбойником сделаю всю массу в пятьдесят тысяч человек. Если я поведу их и ударю с ними на противника, ему будет поистине трудно устоять.

10. Князь У-ху последовал этим словам. У-цзы, взяв с собой пятьсот боевых колесниц и три тысячи всадников, разбил пятисоттысячную армию Цинь. Это был результат воодушевления воинов.

11. Накануне битвы У-цзы в приказе объявил: «Командиры и солдаты! Каждому из вас предстоит встретиться — кому с колесницами противника, кому с его конницей, кому с его пехотой. Помните, если каждая колесница не захватит его колесницу, если каждый всадник не захватит его всадника, если каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого».

12. Поэтому в день битвы приказы У-цзы были кратки и просты, но его мощь потрясла всю Поднебесную.

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ

У-цзы начал свою деятельность со службы у правителя царства Лу, того самого царства, в котором одно время в качестве министра подвизался сам Конфуций. Здесь он впервые обратил на себя внимание своими воинскими талантами. Находясь на посту военачальника, он провел удачную войну с соседним царством Ци. Однако его слава снискала ему много завистников, вследствие чего он, как кратко говорит его биография, «был оклеветан» и принужден покинуть службу у луского князя.

После этого мы находим его на службе в другом царстве — Бэй, которое как раз в то время, как это видно из самой книги У-цзы, находилось в очень опасном положении: со всех сторон его окружали могущественные и враждебно настроенные соседи. Вэйский князь хорошо понимал создавшуюся обстановку. «Войска шести государств стерегут меня со всех сторон и положение мое очень затруднительное. Я в печали, что мне делать?» — сказал он У-цзы (гл. II, ч. 1). Из текста трактата видно, что вэйский князь в это время усиленно вооружался и готовился к войне: в царстве строились колесницы, ковалось оружие, готовились доспехи. Князю недоставало только хорошего полководца, и он решил пригласить к себе на службу У-цзы. Вступительная часть трактата описывает первую встречу У-цзы с его будущим патроном. Как видно из текста, У-цзы повел дело так

искусно, что князь был совершенно очарован им: «сам разослал ему циновку, супруга князя поднесла ему чару вина; князь совершил в честь его жертвенные возлияния в храме и поставил его у себя главным военачальником». И У-цзы оправдал надежды князя.

Во вступительной части трактата интересно описание вооружения того времени. Указывая на усиленные военные приготовления князя, У-цзы перечисляет следующие виды вооружения: кожаные панцири, длинные и короткие пики, боевые колесницы. Из слов У-цзы мы видим, что кожа этих панцирей покрывалась киноварью и лаком, чтобы предохранить кожу от действия сырости и сделать ее непромокаемой, и разрисовывалась изображениями слонов и единорогов для устрашения врага. Таким образом, применение кожи для изготовления вооружения было известно на Дальнем Востоке уже с древних времен. Из трактата мы узнаем и о древности разрисовки вооружения различными устрашающими фигурами.

Из оружия У-цзы называет длинные и короткие пики. Размеры их сейчас оценивать трудно, так как величины древнего чжана и чи весьма неопределены. Судя по смыслу текста, несомненно только, что это были очень длинные пики. Нужно заметить, что название «пики» к ним применять можно только условно: эти пики на конце имели два острия, т. е. представляли род рогатины или вил.

Третий вид вооружения, упоминаемый У-цзы, — это боевые колесницы. Судя по описанию У-цзы, они могли достигать очень значительных размеров: «выше домов». Конечно, это определение можно счесть гиперболой, уместной в том тоне, который взял У-цзы в разговоре с князем, но все же несомненно, что эти колесницы были очень велики. Со всех сторон их покрывали своего рода броней — толстыми шкурами, что защищало их от стрел, дротиков и камней.

Как нам известно, боевые колесницы были основной единицей формирования армии. При комплектовании армии в те времена на каждую боевую колесницу полагалось семьдесят пять пехотинцев, а на каждое подразделение из одной колесницы и семидесяти пяти солдат

лагалась одна обозная повозка и двадцать пять человек обслуживающего персонала. Военная мощь государства в те времена оценивалась количеством боевых колесниц. В договорах того времени, имевших целью, между прочим, ограничение вооружения побежденного противника или более слабого партнера, всегда устанавливалось количество колесниц, которое тот имел право содержать. Так постепенно создалась своеобразная иерархия государств: по количеству состоявших на вооружении боевых колесниц. Наверху этой иерархической лестницы стоял чжоуский ван, имевший или могущий иметь десять тысяч колесниц. Количество же колесниц определяло и численность армии. Таким образом, усиленное строительство колесниц как нельзя лучше свидетельствовало о том, что вэйский правитель готовился к большой войне.

У-цзы в своей речи выдвигает положение, считавшееся в Китае с древних времен совершенно бесспорным: «Мудрый государь непременно внутри государства развивает гражданские начала, а против внешних врагов держит наготове свою воинскую силу».

В этих словах приведено ставшее в дальнейшем традиционным сопоставление двух начал общественной и государственной жизни — гражданского и военного. Согласно представлениям древних китайцев эти два начала коренятся в самой природе человека и их источником являются два свойства ее — гуманность и мужество. Эти два свойства человеческой природы обусловлены и жизненными задачами человека: устраивать свою мирную жизнь со всем ее сложным содержанием и одновременно бороться с трудностями, препятствующими созидательной работе. Поэтому эти начала не противопоставляются, а восполняют друг друга, принимая в общественной жизни облик мирного труда и воинских занятий, гражданской культуры и военного дела, просвещения и воспитания воинских качеств в человеке. В жизни государства это гражданское управление, т. е. развитие в стране начал гражданской жизни, и военное управление, т. е. воспитание воинского духа, развитие воинского искусства и забота о вооружении. У-цзы указывает на необходимость сочетания того и другого и предостерегает против одностороннего предпочтения одного другому.

В доказательство он ссылается на примеры двух древних правителей, которые погубили свое государство именно тем, что один из них культивировал у себя в стране исключительно гражданское начало, а другой — только военное. О распространенности этой мысли в те времена свидетельствует тот факт, что редко кто из писателей старого Китая совершенно обходит это взаимоотношение гражданского и воинского начала. Из древних теоретиков военного дела говорит об этом Сунь-цзы, указывая, что этими началами полководец должен руководствоваться в своем управлении армией (*Сунь-цзы*, гл. IX, разд. 19, стр. 47) *. Вэй Ляо-цзы говорит об этих двух началах в таких выражениях: «В войне воинское начало — это растение, гражданское — это семя. Воинское начало представляет наружную сторону, гражданское — внутреннюю. Если уметь разбираться в этих двух началах, можно знать победу и поражение. Гражданское начало есть то, посредством чего видят, где выгода и где вред, различают благополучие и опасность. Воинское начало есть то, посредством чего отражают сильного противника, делают сильным свое наступление и оборону» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. ХХIII, стр. 58).

Однако эти начала, по мнению Вэй Ляо-цзы, имеют значение не только в сфере армии и в области войны. «Всякое запрещение проводится с помощью воинского начала, всякое поощрение — с помощью гражданского начала» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. XI, стр. 38, 39). По разъяснению комментатора, эти слова имеют тот смысл, что эти два начала абсолютно необходимы в жизни общества вообще, так как всякое зло в мире пресекается с помощью воинского начала, а всякое добро поощряется с помощью гражданского. А в пресечении зла и поощрении добра и состоит содержание деятельности общества.

О значении этих двух начал говорится и в значительно более позднем трактате — в «Диалогах» Ли Вэй-гугна (VII в. н. э.): «С помощью гражданского начала

* Все ссылки на военных писателей древности даются по изданию «Семикнижия» под редакцией Лю Иня (1398), воспроизведенному в серии «Камбун тайкэй», т. XIII (Токио, Фудзамбо, 1912). При ссылке на Сунь-цзы указывается страница русского перевода.

привлекают к себе людей, с помощью воинского начала устрашают врагов» (*Ли Вэй-гун вэньдуй*, гл. II, стр. 46, 47). Таким образом, У-цзы, говоря об этих двух началах, выражает общераспространенную в его время и прочно удержанную в дальнейшем точку зрения.

У-цзы в своей речи затрагивает еще два важнейших понятия китайской философии — понятия гуманности и долга. Касается он их, конечно, в связи с обстановкой войны: «Не выступать против противника — это значит не выполнять свой долг; скорбеть о павшем — это значит не иметь в себе гуманности», — говорит он.

«Гуманность» — первое начало в системе древней китайской морали, получившее особое значение в проповеди Конфуция. Вначале под этим понималась доброта в обыкновенном житейском смысле этого слова. В дальнейшем оно получило значение основного начала человеческих взаимоотношений — добросердечного и сочувственного отношения людей друг к другу. Позднее это понятие превратилось в основное требование всей морали вообще; еще позже его стали толковать как основное свойство человеческой природы, основу человеческого бытия.

Здесь это понятие взято в его узком значении — человеческого любия как свойства правителя. У-цзы не считает гуманным правителя, который, видя трупы павших на поле битвы, предается скорби и слезам. Если это и гуманность, то запоздалая и бесцельная. Истинная гуманность проявляется в усилиях правителя не допускать рабощения и разорения своей страны, своего народа.

Такая точка зрения очень характерна для древних китайских стратегов, а за ними и для всей позднейшей китайской философии войны. Эти стратеги очень далеки от чувствительного мягкого сердечия, заставляющего предаваться скорби при каждой жертве войны и поэтому отвергать войну; такая гуманность, по их мнению, может лишь отдать свой народ, свою страну захватчику. В таком случае размеры бедствий и страданий будут куда больше, чем при обороне своей страны с оружием в руках. Поэтому для У-цзы истинная гуманность заключается не в отказе от сопротивления ввиду неизбежности жертв, а в защите своего народа оружием.

Того же взгляда придерживается и Сунь-цзы. Он только подходит к этому вопросу с другой стороны: он считает, что подлинная гуманность заключается в том, чтобы воевать с возможно меньшими жертвами. Поэтому он настаивает на том, чтобы война была по возможности короткая и, конечно, победоносная. Этого же можно достичнуть, если вступить в войну полностью осведомленным о состоянии своего противника. Наилучший же способ приобрести осведомленность — иметь своих агентов в стране и в армии противника. Поэтому «жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника — это верх негуманности», — говорит Сунь-цзы (гл. XIII, разд. 2, стр. 55).

Второе понятие, затрагиваемое У-цзы, это долг народа по отношению к своему государству: «Не выступать против неприятеля — это значит не выполнять своей долги».

Таким образом, У-цзы кратко касается главнейших начал управления государством. Однако основная цель его речи заключается в другом. Обращаясь к У-хуу, он замечает: «Если Вы заготовили это все (т. е. вооружение) для наступления и обороны, но при этом не нашли себе человека, который умеет всем этим пользоваться, это все равно, как если бы наседка стала бросаться на хорька, кормящая собака — противиться тигру. Пусть и будет у Вас желание биться, все равно Вы сейчас же погибнете». Дело, следовательно, в хорошем полководце.

Разумеется, можно считать, что У-цзы говорит это все для того, чтобы убедить князя в необходимости иметь хорошего полководца и таким путем устроиться у него на службу. В трактате Сунь-цзы полководец занимает центральное место; все изложение его доктрины приурочено в первую очередь именно к полководцу. Он исключительно высоко оценивает значение хорошего полководца: «Полководец для государства все равно, что крепление у повозки. Если это крепление пригнано плотно, государство непременно бывает сильным, если крепление разошлось, государство бывает слабым» (*Сунь-цзы*, гл. III, разд. 5, стр. 35). Талантливый полководец, или, как он выражается, «полководец, понимающий войну», есть «властитель судеб народа, хозяин безопасности го-

сударства» (*Сунь-цзы*, гл. II, разд. 15, стр. 36). Правда, можно и тут сказать, что Сунь-цзы, написавший свой трактат, как говорит традиция, для правителя царства У, также был заинтересован в том, чтобы возвеличить значение полководца. Но такое объяснение было бы слишком упрощенным решением вопроса. В том же тоне говорят о полководце и гораздо более поздний трактат *Сань лио* (VI—VII вв.): «Полководец — правитель судеб государства. Если полководец умеет одерживать победу, государство держится крепко» (*Сань лио*, гл. I). О том же говорит и *Лю тао* (III—IV вв.): «Война — великое дело для государства; она — путь существования или гибели; судьбы государства — в руках полководца. Полководец — опора государства. Прежние государи придавали ему важнейшее значение. Поэтому при назначении полководца надо быть особо внимательным» (*Лю тао*, Лун тао, гл. XIX, стр. 6, 7). Вполне понятно, что значение полководца всячески превозносилось такими стратегами, как Сунь-цзы и У-цзы. Это были, в конце концов, наемники, предлагавшие свое искусство правителям и заинтересованные в том, чтобы их ценили как можно выше. Но дело в том, что сами-то стратеги, эти странствующие полководцы, как и странствующие политики, вроде Конфуция и Мэн-цзы, появились потому, что возникла потребность в них. В эпоху непрерывных междоусобных войн военное дело стало предметом особых забот правителей. За время этих войн, длившихся не одно столетие, воинское искусство настолько усложнилось и развилось, что понадобились настоящие специалисты в этой области. Каждый князь понимал, что хороший полководец значит для него очень многое, и слова У-цзы о полководце передают то, что в его время думал не только он, но и его собеседник.

О том, какое значение придавалось полководцу, выразительно говорит церемония, которой сопровождалось его назначение главнокомандующим армией, выступающей против неприятеля. Трактаты по военному искусству дают описания этого торжественного акта. Наиболее подробно оно приводится в *Лю тао*.

Когда государству угрожала беда, государь удалялся из своего дворца (так как ему полагалось считать себя

виновным за всякую беду в своей стране. — *H. K.*) и, призвав полководца, обращался к нему со следующими словами: «Судьба отечества целиком находится в руках военачальника. Ныне чужое государство нарушило свой долг вассала. Прошу Вас, возьмите войско и отправьтесь против него».

После того как полководец получал такое повеление, государь приказывал тайши (заведующему гаданиями.— *H. K.*) произвести гадание. Пробыв в посте и воздержании три дня, государь отправлялся в храм предков и гадал по священной черепахе. Определив таким способом счастливый день, он вручал полководцу топор и секиру.

Государь вступал во врата храма и становился лицом к западу. Полководец вступал во врата храма и становился лицом к северу. Государь брал секиру и, держа ее за лезвие, подавал ее рукоятью полководцу, говоря: «Всем, что находится над нами, вплоть до самого неба, распоряжайся ты, полководец!» Затем он брал топор за рукоятку и подавал его лезвием полководцу со словами: «Всем, что находится под нами, вплоть до самой пренеподней, распоряжайся ты, полководец! Если увидишь слабое место у противника, иди. Если увидишь его силу, остановись. Не относись к противнику пренебрежительно, полагаясь на численность своей армии. Не иди на смерть, считая самым важным полученное тобой приказание. Дорожи людьми и не цени одного себя. Не иди против армии, полагаясь только на свое собственное суждение. Но и не поступай обязательно так, как тебе говорят другие. Не усаживайся сам, если еще не сели твои воины. Не берись за еду сам, если еще не стали есть твои воины. Дели с ними и холод и жару. В таком случае твои военачальники и солдаты непременно отдадут тебе все свои силы».

Полководец, получив повеление, склонялся и отвечал государю: «Ваш слуга слышал, что государство не управляет извне, а армия не управляет из столицы. Нельзя служить государю, имея два сердца. Нельзя идти против врага, имея сомнения. Ныне Ваш слуга получил повеление и принял всю власть — власть секиры и топора. Ваш слуга не посмеет вернуться живым. Но прошу и Вас, государь, удостоить вашего слугу своим повелением

(о предоставлении полной самостоятельности в ведении войны. — *H. K.*). Если Вы, государь, не разрешите это своему слуге, Ваш слуга не посмеет стать военачальником».

Когда государь разрешал ему, полководец прощался и уходил.

Автор *Лю тао* сопровождает это объяснение следующими словами:

«В армии не подчиняются приказам государя. Все исходит от полководца. Когда он предстоит перед противником и решает бой, у него нет двух сердец. А коль скоро так, над ним нет неба, под ним нет земли, перед ним нет противника, за ним нет государя. Поэтому мудрые для него думают, храбрые для него сражаются. Дух у всех поднимается до облаков. Быстрота их подобна стремительному бегу. Войско еще не скрещивает оружия, а противник уже сдается. Бой дает победу над внешним врагом. Подвиги гремят внутри государства. Командиры повышаются в чинах, солдаты получают награды, народ радуется и ликует. У полководца нет ни вины, ни несчастья. Поэтому ветер и дождь бывает в свое время. Хлеба обильно произрастают, отечество в мире и покое» (*Лю тао*, Лун тао, гл. XXI, стр. 10, 11).

Несомненно, подобной церемонией было обставлено и назначение У-цзы главнокомандующим в войне против Цинь.

Глава I

Часть первая

В первой главе трактата идет речь о том, как управлять государством. Однако трактат У-цзы — не рассуждение о принципах управления; он посвящен проблеме войны. Поэтому и речь об управлении государством заходит здесь в связи с войною, вернее — в связи с подготовкой к войне. Речь идет о том, как нужно управлять народом, чтобы народ был всегда готов к войне и по первому зову правителя шел в бой.

У-цзы начинает свое рассуждение с того же, с чего начинает свой трактат и Сунь-цзы: с положения о необ-

ходимости полного единства правителя и народа. Сунь-цзы называет это «Путем», т. е. тем путем, по которому должны идти правители, желающие обеспечить такое единство. В его объяснении «Путь — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений» (*Сунь-цзы*, гл. I, разд. 3, стр. 33).

У-цзы проводит ту же мысль. Говоря о «четырех несогласиях», т. е. о причинах, которые делают победу в войне невозможной, он на первое место ставит «несогласие в государстве», котороеcommentаторы единодушно считают расхождением между государем и его подданными, между правительством и народом. Лю Инь ставит вопрос даже шире. «Несогласие в государстве, — поясняет он это место трактата, — это отсутствие согласия между государем и подданными, высшими и низшими». Лю Инь требует прекращения или сглаживания антагонизма между «высшими» и «низшими», т. е. между правящими и управляемыми вообще. «Когда в государстве нет согласия, сердце народа отвращается (от правителей. — *H. K.*), почему и невозможно выставить войско», — утверждает он. В связи с этим понятен тот вывод, который делает У-цзы: «Поэтому, если государь, понимающий Путь, хочет направить свой народ на что-нибудь, он прежде всего вводит согласие и только потом начинает какое-нибудь большое дело».

Эта формула имеет общий характер. В ней говорится о необходимости внутреннего согласия в стране вообще перед всяkim «большим делом», которое затрагивает весь народ. Однако под «большим делом» в те времена, видимо, подразумевалась прежде всего война. Сунь-цзы прямо называет войну «великим делом для государства» (*Сунь-цзы*, гл. I, разд. 1, стр. 33).

Поэтому ясно, что в данном месте трактата имеется в виду внутреннее согласие в государстве, как необходимое условие для ведения войны. Так думает и Сунь-цзы, так считает и третий из стратегов древнего Китая — Вэй Ляо-цзы: «Согласие в людях важнее, чем выгоды от местности. То, что ценил Совершенный, были людские дела — и только» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. IV, стр. 19).

У-цзы раскрывает, какими путями правитель может добиться такого согласия. В первой же фразе этой части он говорит: «В древности все, кто заботился о государстве, непременно прежде всего просвещали свой народ и любили своих людей».

Нетрудно заметить, что это положение воспроизводит установившееся еще в глубокой древности представление о правителе как наставнике, просветителе своего народа — концепцию, типичную для ранних рабовладельческих государств, в жизни и строе которых еще действовали элементы, характерные для общества, основанного на патриархально-родовых отношениях. В эту концепцию входило и представление о правителе как охранителе храма «божеств земли», т. е. родных божеств. Правители древнего Китая, обосновываясь в какой-нибудь местности, обязательно возводили около своего дворца «святилище богов земли» (社) и святилище божеств того, что производит земля — злаков (穀). Эти святилища являлись как бы олицетворением родной земли, родины. Поэтому У-цзы, вспоминая в первой беседе с вэйским князем правителя глубокой древности Ю Ху, погубившего, в представлении У-цзы, свою страшну приверженностью к одному воинскому началу, говорит, что этот правитель «утратил свои родные храмы». И по поведению самого вэйского князя, как оно обрисовано во «Введении», можно судить, как поступали правители древних царств, осуществляя свои обязанности охранителей родных святилищ: приняв решение взять У-цзы к себе на службу, князь тут же направился в святилище и «совершил в честь У-цзы возлияние в храме».

С глубокой древности существовало в Китае представление о носителе верховной власти как о правителе, воспитателе-просветителе своего народа и верховном жреце. Из этих трех функций особое значение придавалось, по-видимому, второй, на что указывают и приведенные выше слова, открывающие первую главу трактата У-цзы.

В *Лю тао* можно найти объяснение того, что вкладывалось тогда в слова «любить своих людей», т. е. любить народ. Объяснение это дано в диалоге Вэнь-вана, отца У-вана, считающегося основателем древнего царства Чжоу, с Тай-гун-ваном, его мудрым советником.

«Вэнь-ван, обратившись к Тай-гуну, сказал: — Мне хотелось бы услышать от вас о главной обязанности правителя государства. Я хотел бы, чтобы правитель был чтим всеми, а люди пребывали бы в благополучии. Что нужно для этого делать?

Тай-гун ответил: — Любить народ — и больше ничего.

Вэнь-ван спросил: — Что значит «любить народ»?

Тай-гун ответил: — Действовать так, как выгодно народу, а не так, как ему вредно; созидать, а не разрушать; беречь жизни, а не убивать; давать, а не отнимать; доставлять радость, а не страдания; успокаивать, а не раздражать.

Вэнь-ван сказал: — Осмелюсь попросить разъяснить это подробнее.

Тай-гун сказал: — Когда народ не бросает своих занятий, это означает, что действуют, как народу выгодно; когда земледельческие работы производятся вовремя, это означает, что созидают; когда безвинных не подвергают наказаниям, это означает, что народу дают жить; когда облегчают подати и налоги, это означает, что народу дают [а не отнимают]; когда не тратят средств на дворцы и башни, это означает, что народу доставляют радость; когда должностные лица честны и не вымогают, это означает, что народ не раздражают. Поэтому тот, кто хорошо управляет государством, руководит народом так, как любят детей отец и мать, как любят младших братьев старшие. Когда правитель видит, что народ голодает, правитель страдает за него. Когда он видит, что народ в горе, правитель скорбит за него. Награды и наказания у такого правителя как будто бы направлены на него самого. Подати и налоги как будто бы берутся с него самого. Вот что значит «любить народ» (*Лю тао*, Вэнь тао, гл. III, стр. 8—9).

В свете этого объяснения становится понятной мысль У-цзы, что правитель, любящий свой народ, тем самым достигает в своей стране полного согласия.

Несогласие в стране есть лишь первый вид несогласий, препятствующих, как полагает У-цзы, ведению победоносной войны. «Когда в государстве несогласие, нельзя выставить войско», т. е. сформировать армию. Но это

лишь первый шаг. Согласие в стране может быть достигнуто и армия сформирована, но это еще не значит, что она боеспособна. Она боеспособна лишь тогда, когда в ней самой царит согласие. «Когда в войске нет согласия, нельзя выступить в лагерь», т. е. занять боевое расположение. Лю Инь это несогласие внутри армии понимает как «отсутствие согласия между полководцем и начальниками, командирами и солдатами». При этом для Лю Иня дело сводится, несомненно, прежде всего к несогласию между командирами и рядовыми воинами. По крайней мере, рисуя последствия такого несогласия, Лю Инь пишет: «Когда в армии нет согласия, сердца всех (речь идет о массе войска, т. е. о солдатах. — *H. K.*) отвращаются (от военачальников. — *H. K.*), почему и нельзя выступить в лагерь».

Допустим, что согласие в армии существует, и все же это может оказаться бесполезным, если нет согласия в самом лагере. «Когда в лагере нет согласия, нельзя выступить и сразиться», — говорит У-цзы. Несогласие в этом случае означает отсутствие ясности во взаимоотношении частей. Понимать эти слова У-цзы в таком именно смысле заставляет Лю Инь, который в своем комментарии к этому месту пишет: «Когда нет согласия в лагере, значит нет согласия между отдельными частями».

Конечно, сражаться, имея неорганизованную армию, нельзя; но даже тогда, когда организованность достигнута и вступить в бой, следовательно, можно, для победы необходимо еще одно условие: «согласие в самом сражении». «Когда в сражении нет согласия, нельзя добиться победы», — говорит У-цзы. Под несогласием в сражении, по-видимому, следует понимать несогласованность боевых действий отдельных частей, противоречивость приказов и т. п.

Устранение четырех «несогласий» есть первая забота правителя, готовящегося к войне. Вторая забота — разработка плана войны, подготовка населения и выбор надлежащего момента. У-цзы рисует деятельность правителя в этом направлении чертами, типичными для правителей государств древности. Разрабатывая план, правитель не должен доверять только своим собственным мнениям или суждениям отдельных лиц. Ему надлежит об-

ратиться к божествам и получить указания от них. Правитель «объявляет об этом (объявляет богам о своем намерении воевать. — Н. К.) в храме предков и прибегает к гаданию по черепахе...»

Обычай объявлять богам о намерении предпринять какое-либо дело, имеющее первостепенное значение для государства, восходит к тем «совещаниям с божеством», которые практиковались во всяком шаманстве. С перенесением жреческих функций на вождя племени такие «совещания» стали его прерогативой, а в дальнейшем — при образовании ранних рабовладельческих государств, в которых еще были сильны элементы патриархального быта, — право и обязанность советоваться с богами своей земли перешло к правителью.

У-цзы указывает и на тот способ, которым познаются указания богов, — гадание по черепахе. Как мы знаем из других источников, такое гадание состоит в следующем: берется «священная черепаха» и поджаривается на огне; по трещинам, получающимся в этом случае на панцире черепахи, читают указания божеств. Кстати говоря, этот способ гадания принадлежит к числу очень древних; в Китае сведения о нем, наряду с аналогичными гаданиями по лопатке оленя, относятся к самой глубокой древности.

Получив таким способом какие-то указания, правитель определяет момент выступления. При этом он «сопоставляет это со временем», как говорит У-цзы, т. е. если время года, условия погоды, а также различные приметы, связанные со временем, сулят удачу, — только тогда он выступает в поход.

Подобные действия были обычными во всех государствах древности. Достаточно указать на гадания, к которым прибегали в аналогичных случаях в древнем Риме. В древнем Китае, обращаясь к гаданиям, преследовали и определенную политическую цель: с помощью гаданий правитель стремился успокоить население, встревоженное предстоящей войной, внушить доверие к принятым мерам, вселить веру в успех. Конечно, для этого требовалось, чтобы гадания сулили удачу, но правители знали, как поступать, если приметы и были неблагоприятны.

У Вэй Ляо-цзы есть такой рассказ. Гун Цзи-синь, полководец царства Чу, вел войну с царством Ци. Как раз перед сражением на небе появилась комета, рукоятка которой (комету китайцы уподобляли метле) была обращена в сторону Ци. Считалось, что та сторона, к которой обращена рукоятка, должна победить. Гун Цзи-синю поэтому сказали: начинать сражение нельзя. Гун Цзи-синь на это ответил: «Комета... Что она понимает? Кто дерется метлою, естественно, берет ее за рукоять к себе и побеждает». На следующий день он сразился с цисцами и разбил их наголову (см. *Вэй Ляо-цзы*, гл. I, 2—3). Вэй Ляо-цзы заканчивает этот рассказ словами, приписываемыми Хуанди — правителю глубокой древности: «Прежде чем обращаться к богам, прежде чем обращаться к демонам, надо обратиться к своему уму». Именно эти слова скорее всего и можно считать выражением действительного отношения китайских полководцев ко всяким приметам и гаданиям. Они ими пользовались, но по особым соображениям. Об этом хорошо говорится в «Диалогах» Ли Вэй-гуга. Император Тайцзун (627—650 гг. н. э.), как рассказывается в этих «Диалогах», спросил своего полководца Ли Вэй-гуга: «Можно ли отвергнуть учение об Инь-Яне* и гадания?» Ли Вэй-гун ответил: «Нет! Война есть путь обмана... Если действовать учением об Инь-Яне и гаданиями, можно опереться на жадность людей и на их невежество» (*Ли Вэй-гун вэньдуй*, гл. II, стр. 63). Из этого следует, что китайские полководцы прибегали к гаданиям как к средству воздействия на настроения своих солдат, которых они считали жадными и невежественными. Во всяком случае такими их считал Ли Вэй-гун — полководец времен Танской империи. Сами же полководцы, как и правители, вероятно, должны были придерживаться взглядов, выраженных в словах Вэй Ляо-цзы: «Если привлекешь людей умных и назначишь их сообразно их способностям, не пройдет и много времени, как для дела окажется польза. Если станешь издавать правильные при-

* Дуалистические представления древних китайцев о борьбе двух противоположных начал, лежащих в основе мироздания.

казы и справедливые законы, получишь удачу в делах и без всяких чародейств и гаданий. Если будешь возвышать за заслуги и награждать труд, добудешь благо и без молитв» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. IV, стр. 15).

Часть вторая

Во второй части первой главы У-цзы излагает ряд положений, которые, с его точки зрения, являются руководящими правилами жизненного поведения, основой всякой деятельности человека. При этом, в соответствии с одним из самых устойчивых направлений философской мысли древнего Китая, эти положения имеют в виду общественную деятельность человека.

Первое, что требует У-цзы от человека, — это соблюдение «Пути». Это слово, в которое каждый китайский мыслитель вкладывал свой особый смысл, в данном месте трактата У-цзы обозначает тот путь, по которому призван идти человек, путь, который «получен им от Неба».

Не следует, однако, понимать такой «путь», как нечто предназначеннное человеку свыше. Речь идет о том «пути», который определяется самой природой человека и, следовательно, присущ не только человеку, но и всем «предметам и явлениям», т. е. всем элементам бытия. Каждый предмет, каждое явление имеет свою природную специфику; благодаря такой специфике предмет и является самим собой. Естественно поэтому, что жизнь, развитие предмета или явления и заключается в раскрытии и осуществлении этой специфики. Это и называется «следованием Пути». Лю Инь так и говорит: «Путь — это естественный закон каждого предмета и явления; это то, чему должны следовать все люди».

У-цзы дает такую формулу: «Путь — это есть то, что обусловливает обращение к первооснове и возвращение к первоначалу». Нетрудно понять, что этими словами У-цзы хочет выразить мысль, что «следование Пути», т. е. следование своей природе, заключается в том, чтобы неустанно раскрывать «естественный закон», заложенный в самой человеческой природе. Поскольку же такой закон заложен в ней «с самого начала», то раскрытие

«естественного закона» и есть не что иное, как «обращение к первооснове и возвращение к первоначалу», к тому закону, который «получен от Неба», как говорит Лю Инь. В понятие «Небо» в истории философской мысли в Китае в большинстве случаев вкладывается то содержание, которое мы вкладываем в понятие «природы»; поэтому «полученное от Неба» равносильно «полученному от природы». Поскольку же вся деятельность человека рассматривается в социальном плане, постольку и «полученное от природы» равнозначно «обусловленному социальной природой человека».

Сам У-цзы не разъясняет, какой «естественный закон», т. е. какой закон социальной природы человека, он имеет в виду. Разъяснение дает Лю Инь.

Известно, что во времена У-цзы в китайской общественной философии существовало уже прочно сложившееся учение о «пяти общественных отношениях». С точки зрения этой философии природа человека определяется местом, которое он занимает в общественной системе. Мыслители древнего Китая считали, что в этой системе действуют три социальных института: семья, общество, государство. Семья слагается из мужа и жены, родителей и детей, старших и младших братьев. Общество слагается из отдельных членов. Государство слагается из правителя и управляемых.

Функционирование каждого из этих трех социальных институтов определяется отношениями входящих в его состав членов; каждое же отношение обладает своей собственной природой, раскрытие которой, т. е. реальная деятельность человека, и есть «обращение к первооснове и возвращение к первоначалу».

Каковы же законы каждого из общественных отношений? В рамках семьи закон отношения родителей и детей есть родственная любовь; закон отношения мужа и жены — раздельность функций; закон отношения старших и младших братьев — порядок старшинства. В рамках общества отношения его членов характеризуются как отношения «друзей», по китайской терминологии, что означает отношения, построенные на взаимном доверии. В рамках государства отношения правителя и управляемых строятся на законе долга — долга государя

по отношению к своим подданным и долга подданных по отношению к своему государю.

Согласно У-цзы, соблюдение «Пути» состоит именно в следовании всем этим законам. Поэтому Лю Инь и замечает: «Когда человек, занимая то или иное положение, соответственно обстоятельствам обращается к своему первоисточнику и возвращается к закону, который он с самого начала получил от Неба, его (человека. — H. K.) Путь тем самым исчерпывается до конца».

Вторым принципом, управляющим деятельностью человека, является, по мнению У-цзы, долг. Лю Инь так объясняет этот принцип: «Долг есть управление своим сердцем, целесообразность своих действий». «Долгом» в древней китайской философии, концепции которой в данном случае следует и Лю Инь, называются такие действия, которые подчинены не личным взглядам и эмоциям, а принципу должного, т. е. тому, что требуется обстановкой, что целесообразно именно в данной обстановке, и совершаются эти действия именно тогда, когда их следует совершать. Естественно, что при таком понимании долга У-цзы мог сказать: «Долг есть то, что обуславливает совершение дела и достижение успеха».

Таким образом, эффективность действий и поступков достигается «долгом» в указанном понимании этого принципа. Но требуется еще один регулятор действий и поведения, который предохранил бы от неудач, от вредных последствий. Такой регулятор У-цзы видит в рассудительности, в умении взвешивать и оценивать все, что нужно для достижения цели: «Рассудительность есть то, что обуславливает устранение вреда и получение выгоды», — говорит он.

Требуется, наконец, еще одно: сообразительность — умение выделять во всем самое существенное, самое важное. Это нужно для того, чтобы, по словам У-цзы, «поддерживать дело и сохранять сделанное».

Соблюдение этих четырех законов человеческой деятельности обуславливает естественность всех действий человека, плодотворность их, прочность достигнутых результатов. При этом особо важное значение имеют первые два: «Путь» и «долг», поскольку именно они корениются в самой природе человека. «Если действия челове-

ка не согласуются с «Путем», а поступки не согласуются с долгом, то пусть этот человек и находится среди великих, пребывает среди знатных, все равно — беда непременно настигнет его», — утверждает У-цзы.

Мыслители древнего Китая различали три вида законов. Одни законы — это «законы вещей» (理), т. е. нечто, присущее самой природе данного предмета или явления. В области человеческого бытия такими законами являются перечисленные выше начала, коренящиеся в природе человека как члена семьи, общества, государства. Другие законы — «нормы» (禮), регулирующие поведение человека в семье, обществе, государстве. Таких норм великое множество, так как весьма многообразно положение человека в организованном человеческом обществе и очень разнообразны взаимоотношения людей в таком обществе. Третий вид законов — «государственные законы» (法), т. е. те законы, которые создаются людьми для людей и предлагаются к соблюдению в порядке принуждения. Верный ходу своих мыслей, наметившемуся в начале второй части первой главы, У-цзы после слов о «Пути» и долге говорит о нормах, действующих в человеческом обществе. В заключение он упоминает о принципе, управляющем действиями каждого отдельного человека. Этот принцип — гуманность, т. е. то, о чем шла речь и во «Введении».

Во времена У-цзы уже вполне сформировалось и еще одно учение, проходящее в дальнейшем через всю историю философской мысли в Китае: учение о «совершенном человеке» (шэнъжэнь), об идеальной человеческой личности.

«Совершенным» является человек, полностью слившись с природой вещей, с «Путем», действующий в полном соответствии с закономерностью бытия. Поэтому У-цзы, желая показать, как следует поступать в духе указанных им принципов, приводит пример действий такой идеальной личности: «Совершенный человек посредством Пути приводит людей к благу, посредством долга управляет ими, посредством норм руководит их действиями, посредством гуманности привлекает их».

Значение таких действий очень велико. «Где эти четыре добродетели осуществляются, там подъем; где их

отбрасывают, там упадок», — говорит У-цзы и сейчас же приводит в пример действия двух людей, которые, по его мнению, были «совершенными».

По традиционной, сложившейся еще в древности, концепции китайской историографии, дело рисуется в следующем виде.

В глубокой древности на территории Китая существовало государство Ся. Это государство в первое время, руководимое мудрыми государями, процветало, но в дальнейшем в нем один за другим стали появляться дурные правители. В конце концов появился настоящий тиран — Цзе, жестоко угнетавший народ. Народ поднял восстание. Один из военачальников — мудрый Чэн Тан — свергнул тирана и умертвил его.

Чэн Тан убил своего законного государя; он совершил, следовательно, преступление. Но народ, как выразился У-цзы, возликовал. Почему? У-цзы объясняет: потому что «поступок Чэн Тана отвечал воле Неба и желаниям людей».

Чэн Тан сам сел на место свергнутого правителя и основал новую династию — Инь. Государство снова стало процветать. Но вот опять стали появляться дурные правители, а под конец — настоящий злодей, Чжоу-синь. Снова народ поднялся против тирана. Во главе восставших встал мудрый князь У-ван. Чжоу-синь был свергнут и убит. У-ван также совершил преступление, но «иньские люди не порицали его». Почему? Потому что в своих поступках У-ван «следовал велению Неба и желаниям людей». «Только поэтому он и мог это сделать», — разъясняет У-цзы.

Исторически вполне понятно, на какой почве и в каких общественных слоях сложилась эта концепция, призванная объяснить смены древних династий, — концепция, принявшая форму учения о праве народа свергать своего государя. Ко времени У-цзы в Китае уже в течение нескольких столетий происходила борьба различных крупных и мелких царств. Наряду с этим постоянно шла борьба и внутри царств, причем нередко случалось, что какой-либо представитель знати свергал своего государя и занимал его место. Сам собеседник У-цзы — вэйский князь — в прошлом был всего лишь одним из са-

новников большого и могущественного царства Цзинь. И соседи вэйского князя — владельцы царств Чжао и Хань, которые, как это видно из трактата, угрожали вэйскому князю, также в прошлом были сановниками в цзиньском царстве. В результате внутренних междоусобиц это царство распалось на три отдельных владения.

Таким образом, в те времена честолюбивый и искусный политик или военачальник мог думать о захвате власти. Учение о праве свергать своего государя и стало идеологическим оружием в его руках.

Часть третья

От общих вопросов У-цзы переходит к своей непосредственной теме — к учению о войне. Общими правилами управления государством и народом являются, по его выражению, четыре «добродетели»: «Путь», справедливость, закон и гуманность. В управлении самой армией, как и в управлении государством, самое важное — уметь воспитывать людей, приучать их к определенной системе поведения, воодушевлять их. Эту мысль У-цзы выражает в таких словах: «Руководя государством и управляя армией, непременно обучают народ нормам, воодушевляют его долгом, внушают ему чувство чести».

Все положения, касающиеся управления государством и армией, приводятся У-цзы в конечном счете только как условия, существующие для обеспечения победы в войне. Победа есть цель войны, «но побеждать сражаясь (т. е. ведя наступление. — Н. К.) легко; побеждать же защищаясь — трудно». У-цзы целиком стоит на позиции наступательной войны. В этом отношении он отличается от своего предшественника — Сунь-цзы, который рекомендует более гибкую тактику: «Если у тебя сил в пять раз больше, чем у противника, нападай на него; если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части; если же силы равны, сумей с ним сразиться; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него» (*Сунь-цзы*, гл. III, разд. 4. стр. 36). Кроме того, Сунь-цзы по-своему ставит вопросы о сущности и взаимоотношении наступления и обороны

(гл. IV, разд. 1—2, стр. 30), рассматривает оборону как действия активные, как признак силы, а не слабости.

У-цзы в этом отношении более прост и прямолинеен, но все же и он, как и Сунь-цзы, считает необходимым предостеречь от увлечения военными победами. В учении Сунь-цзы большое место занимает мысль о нежелательности затяжной войны. «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно для государства», — говорит он (*Сунь-цзы*, гл. II, разд. 6, стр. 35). «Когда ведут войну и победа затягивается, — оружие притупляется и острия у него обламываются» (*Сунь-цзы*, гл. II, разд. 3, стр. 35). Эти и подобные афоризмы в трактате Сунь-цзы ясно выражают его мысль об опасности длительной войны. У-цзы также считает, что чем больше войн, хотя бы и победоносных, тем хуже для страны. Эта мысль у него облечена даже в несколько парадоксальную форму: чем меньше побед, тем лучше. Он приводит даже своеобразную арифметику победы: «Кто победит пять раз — у того случается несчастье; кто победит четыре раза — ослабевает; кто победит три раза — становится первым среди князей; кто победит два раза — становится ваном; кто победит один раз — становится верховным властителем». Числа в этой тираде, конечно, следует понимать как общие указания на относительно большее или меньшее количество побед. Существенно другое — указание на различные результаты того или иного числа побед. Если ведутся бесконечные войны, то даже при постоянных победах это обходится государству так дорого, что оно само оказывается на краю гибели; множество войн, даже победоносных, лучше, конечно, чем бесконечные войны, но и в этом случае государство слабеет. Чем меньше войн и побед, тем лучше. Умный правитель воюет мало и тем самым сберегает силы своего государства; это дает ему возможность занять положение *ба* — князя-гегемона, т. е. главы союза князей. Когда же правитель ведет себя еще осторожнее и старается воевать как можно меньше, силы его государства в сравнении с другими государствами, истощенными войнами, возрастут настолько, что он без особого труда приобретает положение *vana*, т. е. могущественного царя. И самого большего достигает тот, кто

идет на войну только тогда, когда это абсолютно неизбежно: такой правитель может занять положение *ди*, т. е. верховного государя.

«Мало таких, кто овладел Поднебесной частыми победами, но много таких, кто от этих побед погибал», — таким категорическим предупреждением своему собеседнику заканчивает свои рассуждения У-цзы.

Часть четвертая

В следующей части главы перечисляются причины, вызывающие войны, и дается классификация войн.

В некоторых случаях войны возникают, по мнению У-цзы, из-за честолюбия правителя; по разъяснению Лю Иня — из-за стремления какого-нибудь правителя занять более высокое положение в иерархии князей.

В других случаях войны начинают ради выгоды, «ради того, чтобы приобрести земли и людей, которых можно было бы обложить налогами», — как поясняет Лю Инь. Войны могут возникать и вследствие вражды, говорит У-цзы; вследствие вражды «между правителями и их ближайшими слугами», поясняет Лю Инь. Война может начаться и тогда, когда в стране возникают внутренние беспорядки — раздоры, мятежи; это может побудить соседнего правителя напасть на такую страну. На страну может быть произведено нападение и тогда, когда в ней голод, «когда народ истощен, средства иссякли», поясняет Лю Инь.

Названия, которые У-цзы дает различным видам войны, свидетельствуют о том, что он рассматривает войны с точки зрения их обоснованности и справедливости. При этом из всех перечисленных им пяти видов войны справедливой он называет только ту войну, которая направлена либо против тирана-правителя, угнетающего свой народ, либо против захватчика, ведущего «войну насилия». Следовательно, для У-цзы восстания, поднятые Чэн Таном и У-ваном против своих государей, являются не мятежами, а справедливыми войнами, так как и Цзеван и Чжоу-синь были жестокими тиранами.

«Захватническими» У-цзы называет войны завоевательные, когда какое-либо государство, будучи сильным

и имея многочисленное войско, стремится завладеть чужой территорией. Таковы с этой точки зрения войны, которые вело в эпоху У-цзы, т. е. в IV в. до н. э., царство Цинь, чрезвычайно усилившееся и обнаружившее явное стремление к распространению своей власти на другие царства, что закончилось, как известно, установлением господства Цинь над всем Китаем и образованием в 221 г. до н. э. Циньской империи.

«Личными» У-цзы называет войны, предпринимаемые по личным мотивам правителя, например из желания отомстить за полученное оскорбление. Из войн того времени именно такой считалась война против царства Ци, предпринятая царством Цзинь из-за того, что цзиньский правитель был оскорблена матерью цзинского правителя. «Войной насилия» У-цзы называет войну, ведущуюся ради захвата и грабежа. Такова, по мнению комментаторов У-цзы, была в те времена война царства У против царства Юэ: правитель царства У счел, что обстановка, создавшаяся в Юэ в связи со смертью правителя, дает возможность легкого захвата, и двинул против царства Юэ свои войска. Война «против самого себя», как ее называет У-цзы, т. е. противонародная, происходит тогда, когда правитель начинает военные действия, не считаясь с тем, что его страна разорена и ее население бедствует. Это война «против Небесного пути, против желания народа», — говорит Лю Инь. Такой войной, по мнению комментаторов У-цзы, была война против царств Ци и Цзинь, которую повел Фу Ча, правитель царства У, в то время, как его собственная страна была разорена.

Говоря об этих войнах, У-цзы дает указания, как следует поступать тем государствам, против которых начата война, как избежать опасности, «преодолеть» ее, как он говорит, т. е. спасти свое государство.

Если начата война справедливая, вызванная господством тирана, этот тиран должен одуматься, понять свою вину и вернуться на путь законности. Тем самым у нападающих отпадет основание для их действий, и война сама собою прекратится. Если государство подверглось нападению сильного противника, об успешном сопротивлении которому нечего и думать, спасти свою страну можно «смирением». Этим путем можно добиться двоякого ре-

зультата: изъявив покорность захватчику, можно сохранить свои силы; противник же в этом случае возгордится и обнаружит свои слабые стороны, и тогда, выждав момент, можно будет легко справиться с ним. Так Лю-Инь толкует совет У-цзы о «смирении». Войну, начатую из-за личных обид, можно прекратить «искусной речью», т. е. дипломатическим путем. «Война насилия преодолевается обманом», — говорит У-цзы. Вероятно, здесь имеется в виду тот обман, о котором говорит в своем трактате Сунь-цзы, т. е. военная хитрость. С тем правителем, который начал войну противонародную, не считаясь с положением в своей стране, вопреки желанию своего народа, справиться нетрудно: армия у такого правителя не может быть надежной и развалится от первого же удара.

Часть пятая

Начиная с этой части первой главы, все последующие, за самым малым исключением, построены в форме вопросов и ответов. Вопрос задает князь, ответ дает полководец. Вопрос предлагается обычно в очень краткой форме, ответ же следует весьма пространный.

Тема пятой части изложена в форме вопроса: «Как следует управлять армией, оценивать людей и укреплять свое государство?»

Ход рассуждения, поданного в форме ответа, свидетельствует прежде всего о том, какое значение придавали деятели той эпохи поддержанию существующего строя: в ответе У-цзы содержатся слова о необходимости соблюдать должные отношения между правителями и подданными, между высшими и низшими. Эту же мысль раскрывает другой трактат по военному искусству, близкий по времени к трактату У-цзы,—«Законы Сыма» (*Сыма фа*). В нем есть такое место:

«В древности [правители], просвещая свой народ, обязательно утверждали незыблемые основы благородного и низкого состояния и не допускали их нарушения. В своих добродетелях никто не переступал отведенного ему предела; в своих талантах никто не затмевал положенного другому; в своей храбости никто не посягал

на присущее другому. Поэтому всюду было единение и в мыслях у всех было согласие» (*Сыма фа*, гл. II, стр. 9).

В трактате У-цзы содержится, однако, важное разъяснение: какими средствами поддерживаются в должном виде отношения между государем и подданными, высшими и низшими. Эти средства — законы (法), правила (儀) и обычай (俗).

По тому как употребляет У-цзы эти понятия, видно, что под «законами» он разумеет такие нормы, которыми регулируются отношения между правителями и народом, под «правилами» — те нормы, которыми регулируются отношения различных общественных слоев в условиях социального неравенства. Но эффективность этих норм зависит от одного условия: от того, чтобы все это «соответствовало обычаям», т. е. давно установившимся традициям общественной и государственной жизни.

Чрезвычайно знаменательно и указание У-цзы на необходимость для правителя опираться в своем правлении на людей талантливых, на необходимость уметь их находить и привлекать к себе на службу. Насколько эта мысль была тогда популярна, свидетельствует известный тезис: «выбирать людей талантливых и продвигать их». Тезис этот мы встречаем в дальнейшем чуть ли не во всей истории древнего и средневекового Китая и притом в качестве одного из основных принципов государственного управления. Несомненно, что он стал одним из средств лицемерного прикрытия действительной практики верховной власти, практики, основанной на принципе подбора угодных правительству лиц, но в эпоху У-цзы этот тезис был еще боевым лозунгом тех общественных кругов, которые мечтали о большом государстве, режим которого регулируется твердыми и исторически оправданными законами, а само правление осуществляется способными и талантливыми людьми.

Принцип отбора наилучших У-цзы и выставляет как руководящее правило в формировании армии, обращаясь к событиям VI—V вв. до н. э., когда среди множества владений выделилось пять крупных государств: царства Ци, Цзинь, Сун, Цинь и Чу. Правители царств стали «ба» — «гегемонами». У-цзы вспоминает трех из этих гегемонов: Хуань-вана — правителя Ци, Вэнь-вана —

правителя Цзинь и Му-вана — правителя Цинь. Чем они достигли силы и могущества? У-цзы, как полководец, естественно, указывает на наличие у них сильной армии, сформированной из отборных частей.

У-цзы указывает, кого следует брать в армию: во-первых, людей отважных и стойких, сильных духом и телом; во-вторых, людей храбрых и преданных; в-третьих, крепких и выносливых. Таковы принципы отбора по физическим и нравственным качествам. Но У-цзы считает ценным материалом для армии и тех, кто будет биться изо всех сил по личным мотивам: людей, которые потерпели неудачу или провинились в чем-нибудь и рассчитывают военными заслугами поправить свое положение.

Характерно для У-цзы последнее заключение: «Если иметь три тысячи таких людей, можно, выходя изнутри, прорвать окружение противника; вторгаясь извне, заставить пасть его крепость». У-цзы считает более важным фактором не численность армии, а качество ее состава.

Это мнение разделяется большинством древних стрategов Китая. Особенно подробно излагает его трактат Лю тао. Подобно У-цзы, автор этого трактата рассматривает вопрос, из каких людей следует формировать отборные части, и устанавливает одиннадцать признаков для такого отбора. В армию следует брать людей храбрых и сильных, презирающих смерть и раны; людей энергичных и мужественных, неукротимой силы; людей, умеющих хорошо держать строй; людей, обладающих большой физической силой; людей, быстрых на ходьбу; людей, стремящихся загладить свои прежние вины; людей, исполненных жаждой мщения, например родственников убитого неприятелем полководца; людей, недовольных своей бедностью и надеющихся поправить свои дела на войне; людей, стремящихся отличиться и этим выбиться из своего низкого состояния; преступников, освобожденных от наказания; людей, совмещающих в себе талантливость и искусность, которым можно давать трудные и ответственные поручения (*Лю тао*, Цюань тао, гл. LIII стр. 15). Из этого перечня видно, что автор *Лю тао*, как и У-цзы, рекомендует при отборе руководствоваться как чисто физическими качествами отбираемых, так и их моральными свойствами, личными стремлениями, психоло-

тией. Принцип немногочисленных, но отборных по составу армий признает и Вэй Ляо-цзы, высказавший свою мысль с присущей ему краткостью и энергичностью выражений: «Лучше десять тысяч сражающихся, чем миллион не выполняющих приказы; лучше сто энергично бьющихся, чем десять тысяч просто сражающихся» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. XXXIV, стр. 62).

Часть шестая

Тема шестой части первой главы сформулирована в форме вопроса: как сделать так, чтобы боевая позиция армии была всегда прочной, чтобы оборона была всегда крепкой, чтобы бой всегда приводил к победе.

В рассуждении на эту тему мы могли бы ожидать от У-цзы указаний военного порядка: как должна быть организована армия, какую позицию надлежит занять для обеспечения успешной обороны, какой тактики придерживаться в бою. Вместо этого У-цзы опять говорит об управлении государством, т. е. переводит свои рассуждения в чисто политический план. Поэтому ответ его короток: все зависит от состояния страны, от того, как она управляется.

От чего зависит прочность позиции, т. е. боеспособность армии? От того, держится ли правитель правильной политики по отношению к людям, умеет ли он их верно «оценивать», как выражается У-цзы, т. е. выбирать лучших и ставить их на надлежащие места. У-цзы, следовательно, снова возвращается к своей мысли о правильном использовании людей, только в отличие от своего прежнего замечания он говорит здесь о расстановке людей не соответственно присвоенным им в данном общественном строе функциям, а сообразно их личным качествам — талантливости и уму. Об этом же говорит и Вэй Ляо-цзы: «Если возвышать умных и пользоваться способными, не пройдет много времени, как в делах получится выгода» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. IV, стр. 15). Ту же мысль развивает и трактат *Сань лио*; он также говорит о необходимости опираться на умных, только соединяет это с указанием на важность опираться вообще на народ: «Путь управления государством заключается в том,

чтобы опираться на мудрых и на народ. Если верить мудрым так, как собственному уму, если управлять народом так, как своими руками и ногами, то этим будет исчерпано все управление государством». В таком случае «куда бы ни направлялись, всюду будет так, как в теле, где тулowiще и конечности неотделимы друг от друга, где кости и мышцы помогают друг другу; будет самоестественность Небесного Пути, совершенная законность, в которой нет ни малейшего изъяна».

Еще более широкое значение имеет ответ У-цзы на вопрос, как достигнуть, чтобы страна крепко защищала себя. По мнению У-цзы, для этого необходимо создать такие условия в стране, чтобы народ чувствовал себя спокойным и обеспеченным от всяких посягательств на его труд и жизнь, чтобы он питал к представителям власти не вражду, а добрые чувства. Тогда и «оборона уже тем самым будет крепка». «Когда весь народ считает своего государя хорошим, а соседнее государство — дурным, он будет делить со своим государем смерть, будет делить с ним жизнь и не будет страшиться опасности», — поясняет эту мысль У-цзы Лю Инь.

Часть седьмая

В трактате Сюнь-цзы (298—238 гг. до н. э.) — политического писателя и философа той же эпохи, что и У-цзы, помещен такой рассказ.

Вэйский князь У-хуо как-то раз совещался со своими слугами, и среди них не оказалось никого, кто смог сравниться с ним по уму. Поэтому, покидая зал Совета, князь имел довольный вид. Тогда выступил У Ци и сказал: «Слышали ли Вы когда-нибудь рассказ о правителе царства Чу — Чжуан-ване?» Князь спросил: «А что это за рассказ о Чжуан-ване?» У Ци ответил: «Чжуан-ван, правитель царства Чу, как-то раз совещался со своими слугами, и среди них не оказалось никого, кто смог сравниться с ним по уму. Поэтому, покидая зал Совета, Чжуан-ван имел опечаленный вид. Шэнь-гун, один из его слуг, тогда выступил и спросил: «Государь! После Совета у Вас опечаленный вид. Почему бы это?» Чжуан-ван ответил: «Я совещался сейчас со своими слугами, и среди

них не оказалось никого, кто смог бы сравниться со мною по уму. Поэтому я и опечален. В речах Чжуан-хуэя говорится: «Когда князь (*чжухоу*) обретает наставника он — царь (*ван*); когда он обретает друга, он — тегемон (*ба*); когда он встречает недоверие, он только существует; когда же он совещается только сам с собой, он гибнет». Вот и я... Я сам — неразумен, и в то же время среди моих слуг нет никого, кто смог бы сравниться со мной. Разве мое государство не на краю гибели? Вот поэтому-то я и опечален». Так вот, государь! Чжуан-ван, царь Чу, был этим опечален, Вы же этим довольны».

Князь У-хуэй встал, склонился перед У Ци и сказал: «Небо послало мне Вас, чтобы исправить мои заблуждения» (*Сюнь-цзы*, гл. XX, раздел 32, стр. 357) *.

Рассказ о Чжуан-ване, видимо, был очень популярен в Китае IV—III вв. до н. э., так как он вошел в трактат У-цзы. Оба текста почти полностью совпадают, но однажды положение в передаче У-цзы разъяснено лучше, чем в передаче Сюнь-цзы: У-цзы объясняет, какого именно наставника должен желать правитель. Это должен быть «Совершенный», т. е. тот идеальный человек-мудрец, о котором У-цзы уже упоминал. Указывается также, что правитель должен делать своим другом умного.

О необходимости для правителя приближать к себе людей умных У-цзы говорил и раньше; это его постоянная мысль. И она характерна не только для него: редко кто из мыслителей той эпохи так или иначе ее не высказывает. По-видимому, возвеличение ума — одна из центральных концепций мировоззрения людей этой эпохи, которых последующая историография называла *чжуан-цзы* и *боцзя*. Наиболее подходящие русские слова для передачи этих обозначений — «ученые» и «писатели». Это были, следовательно, представители интеллигентии древнего рабовладельческого Китая, воплотившие в себе все просвещение, всю умственную жизнь того времени. Вероятно, известное — может быть и преувеличенное — сознание своей роли в общественной и государственной жизни Китая той эпохи и заставило их в своих сочинениях объяснять возвеличение какого-либо из древних

* «Камбун тайкэй», т. XV.

царств деятельностью именно таких «умных слуг» государственных. Так, возвеличение царства Ци в правление Хуань-гуня (384—379 гг. до н. э.) связывается с деятельностью его министра Гуань Чжуна. Гуань Чжун же был не просто сановник — слуга государей; он был создателем целого политico-экономического учения, т. е. одним из тех, кого впоследствии называли *чжуцзы* и *боцзы*.

Сущность учения Гуань Чжуна сводится к формуле: «богатая страна, сильная армия». Богатство страны выражается, как он считал, в том, что население не терпит никаких недостатков в пище и одежде. Чтобы достичь этого, правители должны облегчать налоговое бремя и развивать хозяйство. Приведя страну в цветущее состояние, создав сильную армию, Гуань Чжун смог успешно отразить «горных варваров» — различные инородческие племена, постоянно предпринимавшие набеги на царство Ци, — и нанести удар сильному царству Чу. Царство Ци при нем превратилось в самое сильное из всех китайских государств того времени, а его правитель занял положение гегемона.

Глава II

В трактате *Сунь-цзы* от полководца категорически требуется знание своих возможностей и знание сил противника. По убеждению Сунь-цзы, при наличии такого знания всегда можно рассчитывать на победу: «если знаешь противника и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет», — говорит он (гл. III, разд. 9, стр. 37). Специально об «оценке противника» пишет и Вэй Ляо-цзы (гл. IV, стр. 11). Об этом же говорит и трактат *Сань лио*. В нем приводится следующая цитата из одного древнего сочинения по военному искусству: «Главное в ведении войны — прежде всего разведать положение противника, рассмотреть его склады, учесть его провиант, разгадать его силу и слабость, понять его Небо и землю (т. е. климатические и топографические условия его страны. — *H. K.*), подсмотреть, где у него незащищенное место» (*Сань лио*, гл. I, стр. 13). Все эти

мысли близки к тому, о чем говорит У-цзы во второй главе своего трактата. Эта глава так и названа: «Об оценке противника».

Часть первая

Вэйское царство, в котором служил У-цзы, было окружено в то время шестью другими владениями. С ним граничили наиболее могущественные тогда царства Китая: Цинь, Ци, Чу и Янь. Достаточно сильными были и два других государства — Чжао и Хань, образовавшиеся, как и само Вэйское царство, в 403 г. до н. э. в результате распада одного из крупнейших царств древнего Китая — Цзиньского.

Все эти государства отличались друг от друга и географическими условиями, и характером управления, и нравами своего населения. Поэтому в случае столкновения борьба с каждым из них неминуемо должна была принимать некоторые своеобразные черты.

Анализ возможных условий борьбы и позволил У-цзы весьма наглядно раскрыть основные правила своей стратегии.

Общий принцип этой стратегии — учет своеобразия борьбы с каждым противником, а для этого необходимо знание противника, о котором так кратко и выразительно сказал Сунь-цзы.

Знание противника должно быть полным, т. е. не ограничиваться сведениями об организации его армии, об ее вооружении, о расположении его военных сил; необходимо знать и внутреннее состояние страны противника, характер управления ею, отношения между отдельными слоями населения; надо знать даже нравы населения. По мнению У-цзы, в конечном счете именно все это определяет боеспособность армии, а не ее численность, формы организации и т. д. Поэтому в своем ответе князю, спросившему, как ему поступать в окружении шести государств, каждое из которых зарится на его владения, У-цзы придерживается такого порядка: сначала дает характеристику нравов населения страны возможного противника и оценку внутреннего состояния этой страны, определяет на этом основании боеспособность ее армии,

а затем, исходя из всех этих данных, указывает, какой тактики следует в каждом случае придерживаться.

У-цзы придает большое значение общему психологическому складу данного народа, считая, что он в известной мере определяет и внутреннее состояние страны. Но, по мнению У-цзы, свойства характера только тогда играют роль, когда они соединяются с особенностями самой страны и ее внутренним состоянием.

Он принимает во внимание географию страны и ее экономику, конечно, в той степени, в какой это касается армии и ее боеспособности. Так, например, говоря о царстве Ци, он специально отмечает, что страна эта гористая; говоря о царстве Чу, отмечает обширность его территории. Жизнь среди гор создает людей с суровым и сильным характером и обуславливает строгость правления и справедливость «наград и наказаний». Но та же жизнь среди гор, затрудняющих сношения друг с другом, препятствует развитию духа общности, солидарности, обуславливает «неуступчивость». А это качество характера отражается, как думает У-цзы, на манере сражаться: воины действуют в отрыве друг от друга и от общего строя, «сражаются по отдельности, каждый сам за себя».

Обширность территории также оказывает влияние на склад характера жителей. Люди, живущие на обширных равнинах, не отличаются той суровостью и силой, которые свойственны жителям гор. Это и делает армию, составленную из жителей равнин, менее стойкой, чем армия, состоящая из горцев. Кроме того, на боеспособности такой армии — а речь идет об армии царства Чу — отражаются особенности управления этой страной. У-цзы характеризует это управление сложным понятием, в которое входит и признак излишней сложности и признак «шумливости», т. е. излишней ретивости администрации, не оставляющей народ в покое. Поэтому народ в царстве Чу «утомлен». Это также отрицательно влияет на стойкость армии.

У-цзы принимает в расчет и экономические факторы. Говоря о царстве Ци, он упоминает о богатстве этой страны. Действительно, в этом царстве более, чем в других, были развиты производство и торговля; большие доходы страна получала от соляного промысла, от широко-

развитого рыболовства. По мнению У-цзы, это привело к неблагоприятным для обороноспособности страны последствиям. «Князья и их слуги надменны и предаются роскоши, о народе они не думают». Такие правители не могут обеспечить должную организацию управления: «правление у них слабое», — говорит У-цзы. Не может быть и справедливости: «жалованья неравномерные». Поэтому не только в народе, но и среди правящих есть недовольство. А раз так, в армии не может быть единодушия: «в одном строю у них два сердца», — как образно выражается У-цзы.

У-цзы учитывает также и положение страны среди государств Китая того времени. Так, про Хань и Чжао он говорит, что они «расположены посредине», т. е. находятся между сильными государствами. Постоянная угроза нападения со стороны соседей делает жителей Хань и Чжао привычными к оружию, но в то же время частые столкновения утомляют их, они идут на войну неохотно, плохо слушаются своих командиров, недовольны жалованьем. Поэтому «армия у них хорошо организована, но не может бытьпущена в ход», — говорит У-цзы.

Таков ход рассуждений У-цзы в вопросе об «оценке противника». Из этой оценки вытекает и стратегия борьбы с ним.

Как действовать против такой армии, как у Ци, где впереди поставлены надежные части, а вся масса за ними весьма неустойчива? У-цзы считает, что в этом случае необходимо прежде всего ослабить значение этих надежных частей. Для этого надо разъединить их на три группы и бить каждую в отдельности. Учитывая, далее, ненадежность остальной массы, действовать на нее непрерывным нажимом. Это приведет, как думает У-цзы, к деморализации противника, и он будет разбит.

Как следует действовать против такой армии, как у Цинь, где воины привыкли держаться каждый сам по себе? У-цзы предлагает в этом случае тактику заманивания. Он считает, что там, где каждый сражается сам по себе, он сражается в конечном счете и сам для себя. Поэтому такого воина легко заманить какой-либо выгодой. «Воины у них, жадные до добычи, отделятся от своих военачальников (т. е. нарушают и без того не очень проч-

жное единство строя. — *H. K.*). Если этим воспользоваться и погнать их по отдельности, устроить засаду и ударить в нужный момент, можно захватить и их полководца».

Как следует действовать против такой армии, как у Чу, которая и многочислена и хорошо организована, но долго держаться не может? У-цзы считает, что вступать с таким противником в генеральное сражение нельзя. Нужно только держать его в постоянном напряжении, действуя короткими ударами и неожиданными нападениями, но избегать большого сражения.

Как действовать против такой армии, как у Янь? Эта армия, как говорит У-цзы, хорошо защищается и вообще храбрая, но жители яньского царства, составляющие ее, простодушны, неспособны ни на какие хитрости. На этом их свойстве и следует строить тактику войны с ними: надлежит так повести действия, чтобы противник был сбит с толку, перестал что-либо понимать в действиях своего врага; например, напасть и тут же сразу отступить, погнаться за какой-либо частью противника и тут же вдруг отойти назад. Тогда «высшие у них растеряются, низшие станут бояться», — говорит У-цзы.

Как действовать против такой армии, как у Хань и Чжао, где солдаты идут на войну крайне неохотно? Нужно всячески усиливать в них это нежелание воевать, затягивать войну, изматывать их; самим не нападать и только отражать их нападения; если же они начнут отходить, обязательно преследовать их. В этой части второй главы У-цзы снова указывает на необходимость создания отборных войск и перечисляет людей, которые годятся для их формирования. Тем самым он дополняет и развивает сказанное раньше (в пятой части I главы). Как там, так и здесь он говорит об отборе людей по их физическим качествам — силе, крепкому здоровью, быстроте ходьбы, по их прирожденной воинственности и храбрости. Здесь он добавляет только еще одну категорию: людей, искусно владеющих оружием.

У-цзы предлагает принять все меры к тому, чтобы сделать их действительно надежными частями. Он указывает правителю на необходимость всемерно заботиться об оставленных семьях воинов, своевременно и щедро

награждать отличившихся и строго наказывать провинившихся. «Если уметь тщательно оценивать все это, можно разбить вдвое сильного противника», — заканчивает свое рассуждение У-цзы.

Часть вторая

Вторая часть этой главы посвящена «оценке противника» с другой точки зрения. Предметами оценки в этой части служат: состояние армии противника и ее поведение во время войны, отношение населения к армии и, наконец, отношение к стране противника соседних государств. Учет всего этого дает возможность, как думает У-цзы, точно установить, когда идти в бой можно, когда нельзя.

У-цзы считает, что нападать на противника можно при следующих условиях:

1. Нападать, безусловно, следует на такую армию, которая истощена, у которой нет боеприпасов, нет про-вианта и фуражи и негде их добыть.

2. Нападать следует на такую армию, которая устала и измучена от длинных переходов, солдаты которой только и мечтают об отдыхе и со страхом помышляют о возможном нападении противника.

3. Нападать следует на армию, расположившуюся в плохой местности, терпящую недостаток в воде, страдающую от болезней людей и животных. Однако нападать в этом случае можно только тогда, когда армия малочисленна и не может надеяться на прибытие подкреплений. Большая численность может покрыть всякие недостатки.

4. Нападать следует на армию, находящуюся в состоянии деморализации, в которой солдаты все время боятся нападения, плохо слушаются своих командиров. Однако и тут необходимо дополнительное условие: нужно знать, что такая армия не сможет получить помощь.

5. Нападать следует на армию, заканчивающую длинный переход, когда она еще не успела выбрать места стоянки и разбить лагерь. Однако и тут требуется дополнительное условие: нападать на такую армию можно тогда, когда она проходит по холмистой местности, т. е. когда

да отдельные части этой армии разобщены и не видят друг друга; тогда противника можно бить по частям.

Какое поведение противника указывает, что на него не только можно, но и нужно нападать?

У-цзы считает, что нападать нужно на такого противника, который поступает неблагоразумно и опрометчиво по отношению к собственной армии. Важнейшая задача полководца — беречь солдат, всячески облегчать трудности походной жизни и военных действий. Если полководец не обращает на это внимания, он неминуемо теряет понапрасну солдат, понижает боеспособность остальных. Как полагает У-цзы, это бывает в двух случаях:

1. Когда полководец без особой нужды гонит своих солдат в жестокий холод, не давая им отдыха и не считаясь с трудностями.

2. Когда он пускается в длинные переходы в жестокую жару, также не давая своим солдатам ни малейшей передышки.

Какое положение, сложившееся вокруг противника, обязывает полководца напасть на него?

У-цзы отвечает: когда армия противника окружена враждебным населением. Это бывает чаще всего в тех случаях, когда армия долго стоит на одном месте, успела уже израсходовать свои припасы и живет за счет местного населения.

Определяя противников, от столкновения с которыми необходимо уклоняться, У-цзы опять исходит из общего состояния страны противника, из состояния его армии, из его отношений с соседями.

Какое общее состояние страны заставляет ее врагов избегать столкновения с ней? У-цзы отвечает на это так:

Во-первых, имеет большое значение географическое и экономическое положение страны. Если страна обширна, богата, население в ней многочисленное, нападать на нее не следует.

Во-вторых, имеет большое значение внутреннее положение в стране. Важно учитывать следующее:

1. Каковы отношения между правителями и управляемыми: если между ними царит доброе согласие, если народ доволен своими правителями, нападать на такую страну нельзя.

2. Как ведет себя власть по отношению к народу: если право и справедливость соблюдаются, нападать на такую страну нельзя.

3. Важно знать, умеет ли правительство привлекать людей талантливых и умных, вверять им дела правления и возвышать их, не считаясь с их происхождением и положением. Если оно умеет это делать, нападать на такую страну нельзя.

Таковы признаки, характеризующие общее состояние страны, которые делают невозможным нападение на нее.

4. Важно знать состояние армии врага: «когда войско многочисленное, а вооружение — наилучшее», нападать на такую страну нельзя.

5. Необходимо выяснить отношения противника с соседями. Нападать нельзя, «когда все соседи шлют подкрепления, когда помогает большое государство».

Лю Инь, заканчивая комментирование этой части второй главы, пишет:

«В этой части У-цзы излагает только самые общие положения. Вообще же говоря, сила армии не есть нечто постоянное и неизменное; слабость может превратиться в силу, бедствие — в успех».

Лю Инь полностью прав. У-цзы, во-первых, не берется перечислять все случаи, когда нападать на противника можно и когда нельзя; во-вторых, он не считает, что даже в указываемых им случаях всегда следует действовать так, как он советует. На деле все зависит от конкретной обстановки, и высший закон для полководца — уметь действовать так, как требуют условия момента. О том, что в конечном счете все решает конкретная обстановка, кратко, но ясно говорит сам У-цзы: «выступай, когда видишь, что можно; отступай, когда знаешь, что трудно».

Часть третья

Любознательный ученик продолжает допрашивать своего учителя. Как по внешнему виду противника судить о его внутреннем состоянии? Как по одному его действию судить о возможном другом? Как на основании всего этого определить, на чьей стороне будет победа?

У-цзы в ответ приводит три внешних признака, которые могут свидетельствовать о слабости противника: когда противник идет легкомысленно и беспечно; когда знамена в его рядах в беспорядке; когда его солдаты и кони постоянно оглядываются по сторонам.

Первый признак показывает общее настроение армии. Если армия идет, не принимая мер предосторожности, значит она считает, что ей бояться нечего, что справиться с противником ей будет очень легко. По мнению У-цзы, это плохой признак: боеспособность настроенной таким образом армии не может быть высокой.

Второй признак тесно связан с первым: беспечность ведет к нарушению правильного воинского строя; беспорядочность знамен — свидетельство такого нарушения.

Сунь-цзы в одном месте своего трактата говорит: «Вести в бой массы все равно, что вести в бой немногих: дело в форме и названии» (*Сунь-цзы*, гл. V, разд. 2, стр. 39). Этими словами он выражает мысль, что руководить большими массами войск нетрудно, если соблюдается правильность строя и командования. Правильность строя обеспечивается знаменами. Знамя — значок определенной воинской части. Воины этой части группируются вокруг своего знамени; следуют за ним в походе и в сражении. Порядок расположения знамен — порядок расположения частей. Во время похода каждая часть знает, переди какого знамени она идет и за какой частью она следует. Расстановка знамен в бою — это боевое построение армии. Поэтому Сунь-цзы в другом месте трактата говорит: «Если знамена переходят с места на место, значит, у него беспорядок» (гл. IX, разд. 15, стр. 47). Слова У-цзы о «беспорядочности знамен» говорят о том же. Третий признак связан с первыми двумя. Когда солдаты и даже их кони во время похода все время оглядываются по сторонам — это, по мнению У-цзы, признак отсутствия дисциплины. Лю Инь в своем комментарии поясняет очень кратко: «Когда люди и кони все время оборачиваются по сторонам, значит, для них сердца нет хозяина», т. е. они предоставлены самим себе, за их поведением и моральным состоянием командиры не следят или следят плохо. На такую армию, думает У-цзы, можно напасть даже тогда, когда она вдесятеро

сильнее своей. Так, по чисто внешним признакам можно судить о состоянии армии.

Как можно по поведению противника в обычное время судить о том, как он будет вести себя в бою? У-цзы указывает на следующее.

Если князья, т. е. подвластные государю правители, не собираются вокруг него, из этого следует, что между государем и его ближними слугами нет согласия и что во время войны он не может рассчитывать на их поддержку. Если не заметно, чтобы в стране заботились о возведении укреплений, из этого следует, что будут делать это плохо и в момент войны. Если запрещения и приказы не издаются в обычное время, нет оснований думать, что будет лучше и в военное время. Если армия беспорядочна и шумлива, какова же будет ее боеспособность? Лю Инь полагает, что в последнем случае У-цзы имеет в виду армию, стоящую лагерем, т. е. уже ведущую военные действия; «шумливость» в таком случае означает, что солдаты стараются громкими разговорами и шумом приободрить себя.

При наличии указанных признаков можно с уверенностью напасть на армию, даже вдвое превосходящую по численности.

Часть четвертая

Тема «оценки противника» развивается и в последней части настоящей главы. У-цзы продолжает свое рассуждение относительно того, на какого правителя и при каких условиях можно напасть с надеждой на успех.

Вначале он опять дает указание общего характера: необходимо точно знать, в чем сильные и слабые стороны противника, и направлять удар в уязвимые места.

Собственно говоря, буквальный перевод этого места трактата был бы несколько иным: вместо «сильные и слабые стороны» следовало бы сказать «полнота» и «пустота». Эти понятия принадлежат к числу важнейших в военной доктрине древнего Китая.

Сунь-цзы в первой главе своего трактата, излагая «предварительные расчеты», говорит: «Если у него все полно, будь наготове» (*Сунь-цзы*, гл. I, разд. 7, стр. 34).

Это значит: если у противника все, что нужно для войны, существует в полной мере, надо думать не о нападении на него, а о собственной обороне. Глава VI *Сунь-цзы* называется «Полнота и пустота». Из всего ее содержания вытекает, что «полнота» на языке Сунь-цзы означает полноту боевой подготовки вообще, «пустота», — отсутствие надлежащей подготовки; «полнота» — сильные стороны армии, «пустота» — ее слабые стороны.

В приведенном выше высказывании У-цзы комментаторы особое значение придавали словам «точно знать». Лю Инь говорит: «Если не будешь точно знать, где у него сильная сторона, где слабая, то может получиться так, что он, будучи сильным, искусственно покажет себя слабым; будучи действительно слабым в чем-нибудь, искусственно покажет себя сильным. При таком положении не он, а ты будешь разбит».

Лю Инь несомненно повторяет то положение учения о войне, которое в Китае впервые было выставлено Сунь-цзы, а в дальнейшем — под его влиянием — принято всеми военными теоретиками. В трактате *Сунь-цзы* это положение выражено в следующих словах: «Когда тот, кто умеет заставить противника двигаться, показывает ему форму, противник обязательно идет за ним; когда противнику что-либо дают, он обязательно берет; выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью» (гл. V, разд. 10, стр. 40).

Под «формой» Сунь-цзы понимает боевое состояние армии, степень ее боеспособности. В «форме» может быть своя «полнота», т. е. сильные стороны, может быть и «пустота», т. е. свои слабые стороны. Именно эти стороны и могут служить превосходным орудием в руках опытного полководца: он может искусственно создать видимость слабости и вызвать этим противника на какое-нибудь действие, которое должно кончиться для него неудачей, так как за видимой слабостью на деле скрыта настоящая сила. Таким образом, кажущейся «выгодой» или «пустотой» заставляют противника двигаться, а встречают его «неожиданностью», т. е. «полнотой» у себя. Несомненно, рассуждения Лю Иня навеяны именно этими мыслями трактата *Сунь-цзы*. У-цзы советует направлять удар туда, где у противника слабое место. Все-

последующее изложение этой части второй главы и состоит из перечисления таких «опасных мест».

Некоторый интерес представляет то, как отдельные случаи комментирует Лю Инь.

У-цзы говорит: «Надлежит нападать, когда он (противник. — Н. К.) торопится и спешит». Лю Инь поясняет эти слова так: «Когда командиры и солдаты спешат, дух их уже не принадлежит им. Поэтому и следует нападать». Видимо, это разъяснение нужно понимать в том смысле, что поспешность, торопливость в действиях свидетельствуют, с одной стороны, об отсутствии спокойствия и ясности сознания; с другой стороны, торопливость обычно приводит к опрометчивым поступкам.

У-цзы говорит: «Надлежит нападать, когда противник излишне усердствует». Лю Инь поясняет эти слова следующим образом: «Когда командиры и солдаты слишком усердствуют, силы у них подрываются». Видимо, это разъяснение нужно понимать в том смысле, что «излишнее усердие», т. е. стремление во что бы то ни стало во всем опередить противника, может только привести к ослаблению своих собственных сил.

У-цзы говорит: «Надлежит нападать на противника, когда он, ошибившись во времени, не сообразуется с ним». Лю Инь понимает это указание так: «Вообще, когда начинаешь дело и поднимаешь войска, необходимо сообразоваться со временем», т. е. уметь выбрать для операции должный момент. Если видно, что противник не думает об этом, можно и должно напасть на него.

У-цзы говорит: «Надлежит нападать, когда он (противник. — Н. К.), переходя реку, успел перейти ее только наполовину». Лю Инь поясняет: «Когда при переходе через большую реку противник успел переправить на ту сторону только половину своих сил, его ряды еще в беспорядке, переправившиеся и не переправившиеся части еще не могут взаимодействовать друг с другом, тогда и нужно нападать на него».

У-цзы говорит: «Надлежит нападать, когда он (противник. — Н. К.) часто переходит с позиции на позицию». Лю Инь поясняет: «Если противник часто переходит с позиции на позицию, значит сердца у его людей неспокойны».

У-цзы перечисляет тринадцать случаев, когда можно произвести нападение на противника с уверенностью в успехе.

Интересно сопоставить с указаниями У-цзы то, что говорится на ту же тему в трактате *Лю тао*. В этом трактате перечислено четырнадцать случаев, когда можно произвести нападение.

1. Надлежит нападать тогда, когда противник еще собирается (т. е. начинает располагаться лагерем, с чего, как известно, в те времена начинались военные действия).

2. Надлежит нападать, когда люди и кони (у противника. — *H. K.*) еще не ели.

3. Надлежит нападать, когда условия погоды неблагоприятны (т. е. в сильный холод или палящий зной, во время бури и ливня; словом — тогда, когда можно расчитывать на ослабление боевой энергии у солдат противника).

4. Надлежит нападать, когда место неподходящее (т. е. когда противник очутился в местности, условия которой затрудняют его действия).

5. Надлежит нападать, когда противник торопится и спешит (т. е. способен на опрометчивые, необдуманные действия).

6. Надлежит нападать, когда противник неосторожен..

7. Надлежит нападать, когда противник утомлен.

8. Надлежит нападать, когда полководец у противника оторван от своих солдат и командиров.

9. Надлежит нападать, когда противник совершает длинный переход (т. е. когда его части обязательно оторвутся друг от друга).

10. Надлежит нападать, когда противник переходит реку.

11. Надлежит нападать, когда противник чем-либо сильно занят.

12. Надлежит нападать, когда противник находится в горной местности на узких дорогах.

13. Надлежит нападать, когда противник идет беспорядочно.

14. Надлежит нападать, когда противник охвачен страхом (*Лю тао*, Цюань тао, гл. II, стр. 14).

Нетрудно заметить, что указания *Лю тао* почти буквально повторяют указания У-цзы. Независимо от вопроса о заимствовании одним автором у другого, это свидетельствует о том, что для военной доктрины древнего Китая подобные оценки различных случаев боевой обстановки были совершенно бесспорны.

Глава III

Часть первая

Мудрецы и учителя «периода Чуньцю» (722—481 гг. до н. э.) и «периода Чжаньго» (403—221 гг. до н. э.) очень любили поражать своих слушателей и учеников каким-либо неожиданным и непонятным высказыванием. Так поступал, если верить Луньюю, сам «Совершенный» — Конфуций.

Однажды Цзы-чжан, обратившись к Конфуцию, спросил: «Как можно осуществить правильное управление государством?» Конфуций ответил: «Если чтить пять красот, удалять четыре зла, сможешь осуществлять правильное управление государством» (*Луньюй*, гл. XX, разд. 2). Огороженному ученику ничего не оставалось, как задать вопрос: «А что такое пять красот и четыре зла?» И тогда учитель, насладившись произведенным эффектом, принимался за вразумление недогадливого ученика.

Примеру Конфуция следовал и У-цзы, беседуя со своим слушателем — князем У-хоу. На вопрос князя о том, что самое важное в руководстве армией, У-цзы ответил: «Самое важное — это уяснить себе четыре легкости, две тяжести, одну беспристрастность».

Ответ У-цзы очень важен для уяснения его военной доктрины. Из этого ответа мы узнаем, что полководцы того времени придавали большое значение подвижности армии, быстроте ее передвижения.

Уже в предшествующих главах У-цзы два раза, не боясь повторяться, указал, что в отборные части следует набирать в числе прочих «легких на ноги», могущих быстро и неутомимо ходить. Таким образом, мы вправе за-

ключить, что в китайских армиях того времени была легкая пехота, способная на быстрые передвижения.

Из ответа У-цзы мы можем вывести и другое заключение: в известных случаях пехотинцев (вероятно, тяжелооруженных) сажали на колесницы.

Сунь-цзы во второй главе своего трактата, говоря о составе армии, начинает с колесниц. У него упоминаются два вида колесниц: легкие и тяжелые. Одни из них употреблялись для боя: на таких колесницах врывались в расположение противника. Другие употреблялись для перевозки боеприпасов и для укрытия при обороне. Они же служили и средством передвижения: на них сажалась пехота. Это усматривается из слов У-цзы о необходимости «делать людей легкими для колесниц». Вероятно, не только тяжелая, но и легкая, т. е. боевая, колесница также могла вместить двух-трех человек: в нее были впряжены четыре коня, а постоянную команду ее составляли трое: один правил лошадьми, двое других вели бой.

Из рассуждения о «трех легкостях» видно, какое значение У-цзы придавал подвижности армии. Чтобы обеспечить быстрое передвижение армии, нужно добиться трех «легкостей»: выбрать ровную, удобную дорогу, своевременно накормить коней и хорошо смазать колеса колесниц. Четвертая «легкость» — легкость боя для воинов: острые копья и крепкие доспехи должны облегчить воинам ведение боя.

Под «двумя тяжестями» У-цзы подразумевает «тяжелые», т. е. щедрые, награды и «тяжелые», т. е. суровые, наказания.

Политике наград и наказаний в китайской военной доктрине всегда придавалось особое значение. Сунь-цзы в первой же главе своего трактата, перечисляя, на что следует обращать внимание при оценке шансов сторон в подготовляемой войне, говорит, что необходимо установить, «у кого правильно награждают и наказывают» (*Сунь-цзы*, гл. I, разд. 4, стр. 34). О первостепенной важности наград и наказаний подробно говорит Вэй Ляо-цзы: «У прежних правителей было пять правил, непосредственно касающихся войны: если запасы провианта невелики, воины не идут; если жалованья и награды не щедры, люди не стараются; если воины не отборные, ар-

мия не сильна; если оружие не заготовлено в достаточном количестве, сила недостаточна; если награды и наказания несправедливы, народ не боится» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. IV, стр. 14).

Из того же трактата видно, как представляли себе древние стратеги эту политику наказаний и поощрений. По уставу пять человек составляют «пяток»; солдаты пятка отвечают друг за друга. Десять человек составляют «десятак»; солдаты десятка отвечают друг за друга. Пятьдесят человек составляют «полусотню»; солдаты полусотни отвечают друг за друга. Сто человек составляют «сотню»; солдаты сотни отвечают друг за друга. Когда в пятке кто-либо нарушит приказ или преступит запрет, то прочие освобождаются от наказания, если они его выдадут; если же знают и не выдают, предается казни весь пяток. Когда в десятке кто-либо нарушит приказ или преступит запрет, то прочие освобождаются от наказания, если они его выдадут; если же знают и не выдают, предается казни весь десятак и т. д. (*Вэй Ляо-цзы*, гл. XIV, стр. 42).

Очевидно, Вэй Ляо-цзы предлагает ввести круговую поруку. О значении ее он говорит в таких выражениях: «Когда все члены пятка или десятка связаны друг с другом, когда высшие и низшие соединены друг с другом, не может быть злодея, которого не нашли бы; не может быть преступника, которого не выдали бы. Отец — и тот не сможет укрыть сына, старший брат — и тот не сможет укрыть младшего брата; тем более люди из разных областей, случайно собранные в одной части, случайно едящие одну пищу, — как же они смогут укрывать тех, кто нарушил приказ?» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. XIV, стр. 42).

Таковы наказания за нарушение военных приказов. Еще более строги наказания за проступки в боевых действиях. «Если командир отряда в тысячу человек и больше обратится во время боя в бегство, обороная что-либо, сдастся, покинет то место, которое оборонял, убежит от всего войска — такой командир будет государственным преступником. Его самого предают смертной казни, его дом разрушают, его имя вычеркивают из списков общины; если он успеет умереть, его могилу разрывают и его труп выбрасывают на рыночную площадь; мужчин

женщин из его семьи отдают в государственное рабство. Если командир отряда в сто человек и больше во время боя обратится в бегство, оброняя что-либо, сдастся, покинет то место, которое обронял, и убежит от своего войска — такой командир будет военным преступником. Его самого предают смертной казни, его дом разрушают, мужчин и женщин из его семьи отдают в государственное рабство» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. XIII, стр. 41). Эти и подобные высказывания стратегов древности свидетельствуют, что У-цзы имел в виду действительно тяжелые наказания.

Все же он предупреждает своего слушателя: для того чтобы политика щедрых наград и тяжких наказаний достигала своей цели, необходимо, чтобы она проводилась с полным беспристрастием. У-цзы считает это настолько важным, что положение об «одной беспристрастности» выделяет особо.

Таким образом, за малопонятными на первый взгляд выражениями «четыре легкости», «две тяжести», «одна беспристрастность» скрываются мысли об обеспечении подвижности армии, о необходимости вооружения ее наилучшим оружием, об установлении мер для развития в ней наступательного духа и стойкости. С этого и нужно начинать полководцу. «Кто сможет во всей полноте все это постигнуть, тот — хозяин победы», — так заканчивает У-цзы эту часть своего рассуждения.

Часть вторая

Сунь-цзы очень большое значение придает численному превосходству армии. В третьей главе своего трактата он указывает, что в бой можно вступать либо при перевесе в силах, либо при равных возможностях. Правда, в других местах трактата вносятся некоторые поправки в это положение. Так, например, в трактате есть и такие слова: «Дело не в том, чтобы все более и более увеличивать число солдат. Нельзя идти вперед с одной только воинской силой. Достаточно иметь ее столько, сколько нужно для того, чтобы справиться с противником путем сосредоточения своих сил и правильной оценки противника» (*Сунь-цзы*, гл. IX, разд. 18, стр. 47).

Сунь-цзы понимает и другое: если много войска, это еще не значит много сил. «Мало сил у того, кто должен быть всюду наготове; много сил у того, кто вынуждает другого быть всюду наготове» (*Сунь-цзы*, гл. VI, разд. 8, стр. 41). Но несмотря на все эти оговорки, все же несомненно, что Сунь-цзы, как правило, признает необходимость численного превосходства или по крайней мере равенства сил. В трактате У-цзы высказывается прямо противоположная точка зрения. «Чем армия побеждает?» — спрашивает князь. «Своей организованностью», — отвечает У-цзы. «А не численностью?» — возражает князь, высказывая, видимо, очень распространенное тогда мнение. У-цзы решительно не согласен с этим мнением. Он считает самым важным организованность.

Аргумент его очень прост. Что может сделать большая, но плохо организованная армия? К чему она пригодна, «если приказы и предписания непонятны, награды и наказания не беспристрастны, люди не останавливаются, хотя им и подают сигнал к отступлению, не идут вперед, хотя им и подают сигнал к наступлению, пусть будет их и миллион, на что они пригодны?» Так думает У-цзы; так считает и Вэй Ляо-цзы: «Лучше десять тысяч сражающихся, чем миллион не исполняющих приказы; лучше сотня энергично борющихся, чем десять тысяч просто сражающихся» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. XXIII, стр. 62).

В чем проявляется организованность армии? Мысли У-цзы на этот счет сводятся к трем положениям: в хорошо налаженной системе управления, в обученности солдат, в моральном единстве.

Правильная система управления, по мысли У-цзы, во-первых, обеспечивает надлежащий строй армии, поддерживает установленный в ней порядок, воинскую дисциплину; во-вторых, обусловливает высокую боеспособность.

Хорошая обученность солдат обеспечивает точное исполнение команд: «каждое движение направо и налево делается по команде». Хорошо обученные солдаты «сохраниют строй, даже будучи отрезаны; держат свои ряды, даже будучи рассеяны».

Третий признак организованности армии — ее моральное единство. Оно проявляется, по мысли У-цзы, во внутренней сплоченности армейской массы и в единении

армии со своим полководцем. Признаком внутренней сплоченности служит то, что армию «можно легко соединить и нельзя разъединить»; единение армии с полководцем находит свое выражение в том, что «полководец вместе с ними (своими солдатами. — *H. K.*) и в благополучии, вместе с ними и в опасности».

Эту же тему более подробно развивает трактат *Лю тао*: «Полководец делит со своими солдатами холод и жару, труды и усталость, голод и сытость. Поэтому солдаты, когда слышат бой барабанов (т. е. сигнал к наступлению. — *H. K.*), радуются; когда слышат звук гонгов (т. е. сигнал к отступлению. — *H. K.*), гневаются. Пусть стены будут высоки, рвы глубоки, пусть летят градом стрелы и камни — солдаты наперебой друг перед другом полезут на стены. Когда дойдет до рукопашного боя, солдаты ринутся наперебой друг перед другом. Это не значит, что солдаты жаждут смерти и радуются ранам; они так поступают потому, что их полководец хорошо знает, что такое жара и холод, сытость и голод, хорошо видит труды и усталость» (*Лю тао*, Лун тао, гл. XXIV, стр. 13). У-цзы определяет армию, в которой установлены такие отношения между полководцем и солдатами, кратко: это «армия отца и детей».

Сравнение взаимоотношений полководца и солдат с отношениями отца и детей побуждает Лю Иня сделать некоторое разъяснение. «Армия отца и детей, — пишет он, — ...это единодущие высших и низших. Если полководец и солдаты не будут связаны друг с другом добрым отношением полководца к солдатам, с одной стороны, и доверием солдат к полководцу — с другой; если полководец не будет действовать на солдат своей гуманностью и справедливостью, может ли получиться такая армия (т. е. армия отца и детей. — *H. K.*)?»

Лю Инь заканчивает свой комментарий к этой части третьей главы такими словами:

«Сунь-цзы сказал: «Путь» — это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений». Именно эта мысль тут (т. е. в данных словах У-цзы. — *H. K.*) и заложена».

Часть третья

В третьей части этой главы У-цзы продолжает развивать мысль об организованности армии. На этот раз он останавливается на том признаке организованности, который выражается в неукоснительном и точном исполнении солдатами приказов командования.

У-цзы, как очень опытный полководец, знает, что мало уметь отдавать приказы, нужно еще обеспечить возможность их выполнения; мало приказывать солдатам наступать, нужно еще сделать так, чтобы они были в силах наступать: соблюдать строгий порядок переходов; своевременно делать привалы; следить, чтобы пищи и питья было достаточно; не переобременять и людей и коней. Только такие условия «обеспечивают возможность для солдат выполнения приказа командования». Исполнению же приказов У-цзы придает настолько большое значение, что говорит: «Это и есть то, из чего рождается организованность».

Часть четвертая

Основная мысль этой части выражена У-цзы словами: «когда считают смерть в бою неизбежной, остаются в живых; когда считают за счастье жизнь, умирают».

Эта мысль характерна почти для всех военных стратегов древнего Китая. Ее высказывает Сунь-цзы в XI главе своего трактата: «Если они (солдаты. — Н. К.) будут готовы идти на смерть, как же не добиться победы?» (*Сунь-цзы*, гл. XI, разд. 9, стр. 51).

Сунь-цзы развивает целое учение о том, что он называет «местом смерти». Он полагает, что лучше всего солдаты сражаются тогда, когда они знают, что спасения у них нет, что им ничего не остается, как идти в бой и умереть. В таких случаях как раз и достигается победа и притом в самом, казалось бы, безнадежном положении, в самом «месте смерти», как выражается Сунь-цзы. Та же мысль заложена и в словах У-цзы: «Когда считают смерть в бою неизбежной, остаются в живых». Оба знаменитых стратега древнего Китая в этом пункте полностью согласны друг с другом.

Однако готовность идти на смерть у солдат не может возникнуть сама по себе. У-цзы считает, что ее должен вызвать полководец.

Какими же средствами он может этого достичь? Сунь-цзы, развивая свою теорию о «месте смерти», советует полководцу нарочно ставить своих солдат в такие условия, из которых как будто нет никакого выхода, когда остается только одно — умереть. У-цзы становится на другой путь. Он рекомендует полководцу самому постоянно демонстрировать перед солдатами свою готовность идти на смерть. По образному выражению У-цзы, «хороший полководец как будто бы находится на тонущем корабле, в горящем здании». Лю Инь говорит: «У полководца всегда должна быть мысль о неизбежности смерти и он должен это всюду показывать командирам и солдатам». Когда полководец именно так ведет себя, он «делает безрезультатными все хитросплетения мудрецов противника, делает бесплодной всю пылкость его храбрецов».

Древние китайцы различали одну породу обезьян, которую они называли Ю. По объяснению Лю Иня, эти обезьяны чрезвычайно подозрительны; стоят им только услышать человеческий голос, как они сейчас же вскакивают на деревья, слезая только тогда, когда убедятся, что вокруг никого нет. Но проходит немного времени — и они опять на дереве. И так — непрерывно. Поэтому еще в далекой древности стали говорить про человека чрезвычайно осторожного: «он осторожен, как обезьяна Ю».

Лисица Гу — зверек, сходный по нраву с обезьяной Ю. Она очень недоверчива. Когда ей нужно пройти по льду, она сначала внимательно прислушается, не журчит ли подо льдом вода, и только тогда, когда никаких звуков она не уловит, она решится ступить на лед. Поэтому еще в древности про человека, чрезмерно недоверчивого, стали говорить: «он недоверчив, как лисица Гу».

Этих животных и вспоминает У-цзы в последних, ставших знаменитыми, словах этой части III главы: «Самое вредное в руководстве армией — это чрезмерная осторожность обезьяны Ю и чрезмерная недоверчивость лисицы Гу».

Часть пятая

Развивая далее свою науку об управлении армией, У-цзы переходит к вопросу воинского обучения. Желая при этом с самого же начала внушить своему слушателю сознание важности этого вопроса, он указывает, что неподготовленность людей к делу, за которое они берутся, ведет к гибельным последствиям: «люди обычно находят смерть в том, в чем они неискусны». Если таковы последствия неподготовленности в обычной обстановке, тем более они неизбежны в условиях войны. «Поэтому в ведении войны самое главное — обучение и наставление».

Это место трактата У-цзы дает некоторое представление о строевом учении в древнем Китае. Солдат обучали «строиться в круг и квадрат, садиться и вставать, маршировать и стоять на месте, делать повороты направо и налево, идти вперед и назад, разделяться и соединяться, собираться и рассеиваться». Только после того как они усвоют все это, им можно дать оружие, указывает У-цзы.

Построение в круг и квадрат Лю Инь объясняет как два построения армии, принимаемые в зависимости от позиции. В «Диалогах» Ли Вэй-гуня круговое построение объясняется так: посередине располагался центральный корпус армии, вокруг него строились шесть других корпусов; получалась форма, напоминающая круг или, вернее, цветок с шестью лепестками, причем центральный корпус являлся как бы сердцевиной цветка (*Ли Вэй-гун вэньбуй*, гл. II, стр. 34—35).

Обучение «разделению и соединению» вызывалось представлением, что всякая боевая операция слагается из двух моментов: первый момент — занятие позиций для боя, второй — сам бой. Занятие позиций состояло в овладении всеми важнейшими стратегическими пунктами. Для того чтобы эти пункты занять, армия производила «разделение», т. е. разделялась на несколько групп, каждая из которых и занимала — с боем или без боя в зависимости от обстановки — тот или иной пункт. После этого все группы, расположившиеся в занятых пунктах, производили «соединение», т. е. начинали общие, согласованные действия против неприятеля. Эти

действия имели целью нанести удар, который должен был решить его судьбу (*Ли Вэй-гун вэньдуй*, гл. II, стр. 43).

У-цзы указывает, каким способом производится обучение солдат: «Когда научится сражаться один человек, он обучит десять других; когда искусству боя обучатся десять человек, они обучат сто» и т. д.

Эти слова следует понимать двояко. С одной стороны, У-цзы своим перечислением «один—десять—сто» и т. д. указывает на то, какое значение для армии имеет наличие в ней некоторого количества хорошо обученных, опытных солдат; с другой стороны, он указывает, что обучение должно вестись по соединениям в десять человек.

В трактате *Лю тао* мы находим описание подобного обучения. «При обучении командиров обучаются бою одного; когда он обучится, формируют вместе с ним соединение в десять человек. Эти десять человек обучаются бою. Когда они будут обучены, формируют вместе с ними соединение в сто человек. Эти сто человек обучаются бою. Когда они будут обучены, формируют вместе с ними соединение в тысячу человек. Тысяча человек обучаются бою. Когда они будут обучены, формируют вместе с ними соединение в десять тысяч человек. Эти десять тысяч человек обучаются бою. Когда они будут обучены, формируют вместе с ними армию. Когда правила большого боя будут армией изучены, формируют вместе с ней миллионное войско» (*Лю тао*, Цюань тао, гл. LIV, стр. 17).

У-цзы этим пока и ограничивается в своих рассуждениях об обучении солдат. Следующие его слова касаются уже наказа полководцу.

Этот наказ в точности повторяет слова Сунь-цзы: «Находясь близко, ждут далеких; пребывая в полной силе, ждут утомленных; будучи сытыми, ждут голодных» (*Сунь-цзы*, гл. VII, разд. 15, стр. 44). В ближайшем смысле это означает: противопоставлять противнику, приходящему к месту боя издалека, свои силы, уже расположившиеся близко к этому месту; противопоставлять утомленному противнику свои свежие силы; противопоставлять противнику, испытывающему недостаток в провианте, своих сытых солдат. Но за этими простыми

указаниями скрываются более общие положения. Так, указание на важность занять боевое расположение раньше противника соединяется с высказанным ранее требованием высокой подвижности армии, с ее способностью выдерживать большие переходы; указание на важность противопоставлять утомленному противнику свои свежие силы соединяется с требованием выносливости; указание на важность противопоставлять своего сытого солдата голодному солдату противника связывается с требованием высокой физической крепости солдат.

Часть шестая

В этой части продолжаются рассуждения об организации армии. На этот раз У-цзы указывает полководцу, что в деле организации армии и в боевом построении он должен учитывать физические, умственные и моральные особенности каждого солдата. Так, например, большое значение имеет рост. Низких ростом следует ставить впереди и вооружать их пиками и рогатинами. Пики того времени были двух видов: в два чжана четыре чи, т. е. около трех метров длиною, и в два чжана, т. е. около двух метров. Рогатины, т. е. те же пики, но с раздвоенным острием, были тоже длиною около трех метров. Таким образом, низкосрослым давалось оружие колющее и притом длинное. За ними размещали солдат высокого роста и вооружали их стрелковым оружием — луками и самострелами. Поскольку они были выше ростом, стоящие впереди не заслоняли им видимость и не мешали при стрельбе.

Знамена, по словам У-цзы, следует давать обладающим большой физической силой. Барабаны и гонги надлежит давать только особо мужественным и хорошо владеющим собою. Лю Инь напоминает в своем комментарии к этому месту трактата, что все движения солдат в строю определяются сигналами. Поэтому от сигнальщиков требуется мужество и самообладание.

Умных и сообразительных У-цзы советует брать в штаб. «Они умеют оценивать противника; поэтому им и нужно поручать разработку планов», — поясняет Лю Инь.

Большое значение имеет замечание У-цзы о том, что «солдаты из одних и тех же уездов и деревень дружны друг с другом». По объяснению Лю Иня, уездом и окружом (鄉) в те времена считалась территория с населением в среднем 12 500 дворов; группа в 25 дворов считалась деревней (里). Надо полагать, что У-цзы указывает здесь на особый принцип формирования частей: каждую отдельную часть, по-видимому, стремились составлять из земляков, уроженцев одной и той же деревни или по крайней мере одного и того же уезда; это обеспечивало сплоченность состава частей, а тем самым и более высокую боеспособность.

Часть седьмая

Князь У-ху спросил: «Есть ли какие-нибудь правила для движения армии?» В ответе У-цзы содержатся три различных указания: каков должен быть походный порядок; в какой местности ни в коем случае нельзя задерживаться; в каких метеорологических условиях можно вести наступление, в каких — нельзя.

Походный порядок большой армии обрисован посредством описания расположения знамен. На знаменах изображались различные животные и птицы, служившие обозначением тех или иных звезд. Ориентиром служила южная сторона. Знамя с изображением «Синего дракона» находилось по левую сторону походного порядка армии, т. е. на восточном ее крыле; знамя «Белого тигра» — по правую сторону, т. е. на южном крыле армии; знамя «Черной черепахи» — сзади, т. е. на северном крыле. В центре находился стяг главнокомандующего — знамя «Среднего дворца», т. е. с эмблемой звезды «бэта» в созвездии Пастуха. Под этим знаменем располагался штаб.

У-цзы советует не задерживаться у «Небесных котлов», т. е. у входа в долину, и у «Драконовых голов», т. е. по краю горы. Лю Инь так поясняет это: «Если расположиться лагерем у входа в долину, можно подвергнуться удару со стороны противника, может угрожать и затопление. Если расположиться лагерем по краю горы, можно быть охваченным противником, может получиться неблагоприятное положение с водой и травой».

Последнее указание У-цзы касается связи боевых действий с метеорологическими условиями. Он говорит только о ветре, но это означает, что ветру тогда придавали особое значение. У-цзы рекомендует предпринимать нападение на противника, когда ветер дует в его сторону. Объясняется это двумя соображениями: ветер, дующий в спину, способствует лучшему наблюдению и прицеливанию, а также лучшему полету стрел. При ветре, дующем в лицо, песок и пыль мешают солдатам смотреть, стесняют их движения и плохо действуют на их моральное состояние.

Часть восьмая

Последняя часть третьей главы отведена рассуждениям о коне. Конь в китайской армии времен У-цзы применялся для езды верхом и для боевых колесниц, тяжелые, т. е. обозные, колесницы тянули волы.

Из слов У-цзы видно, что коням в китайской армии придавали исключительно большое значение. Это понятно, если вспомнить, какую роль играли в армии древнего Китая боевые колесницы — главная ударная сила армии, какое значение имела конница — эти «глаза и уши армии», как тогда выражались.

Г л а в а IV

Часть первая

Уже во «Введении» У-цзы говорит, что правительству государства необходимо сочетать два начала — гражданское и военное.

В четвертой главе, специально посвященной полководцу, У-цзы говорит о гражданском и военном начале применительно к полководцу: «Человек, в котором сочетаются и гражданское и военное начало, — это полководец армии».

Выше, в комментарии к «Введению», уже упоминалось, что разумели мыслители древнего Китая под этими двумя началами. Поэтому такое определение полководца,

которое дает У-цзы, нельзя не признать исключительным. Вмешать в себе в гармоническом сочетании оба начала общественной и государственной жизни — значило в то время быть идеалом общественного человека.

Сунь-цзы, характеризуя действия полководца, говорит: «Приказывая им (солдатам. — *H. K.*), действуй при помощи гражданского начала; заставляя, чтобы они повиновались тебе все, как один, действуй при помощи воинского начала» (*Сунь-цзы*, гл. IX, разд. 20, стр. 47). Это наставление Сунь-цзы прежде всего означает: армией нужно не только командовать, ее нужно и воспитывать. Нужно быть не только начальником — командиром, но и учителем — воспитателем. Но воспитывая армию, следует действовать средствами просвещения и притом со всей гуманностью, присущей человеку высокой морали. Командуя армией, ведя ее в бой, следует действовать средствами приказа — со всей твердостью человека большой воли. Ту же мысль развивает в рассматриваемой главе и У-цзы.

Лю Инь так толкует это место трактата: «Уметь разбираться в условиях времени, уметь разбираться в выгодах местности, уметь разбираться в человеческих делах; строго блюсти законы о государе и подданных, соблюдать правила о высших и низших; просвещать народ в согласии с его обычаями; посредством Пути приводить своих воинов к благополучию, посредством справедливости управлять ими, посредством законов руководить их действиями, посредством гуманности проявлять к ним любовь — это есть гражданское начало (в действиях полководца. — *H. K.*). При получении повелений от государя забывать о родителях, во время сражения забывать о себе, считать за славу наступление и смерть, считать позором отступление и жизнь, быть неприменимым в награждениях и наказаниях, вырабатывать мудрые планы, издавать ясные приказы и потрясать своею мощью Поднебесную — это есть воинское начало. Если обладать этими двумя началами в их сочетании, можно быть полководцем».

Из этих слов Лю Иня видно, что настоящий полководец является носителем тех свойств, которые считаются обязательными для совершенной человеческой личности.

В ней должны воплощаться начала «Пути», справедливости, законности, гуманности. Он должен обладать разумностью и знаниями, так как без этого он не смог бы «разобраться в условиях времени, в выгодах местности, в человеческих делах». Он должен воплощать в себе правду, так как без этого он не смог бы «быть неприятным в награждениях и наказаниях».

Поучительно сопоставить приведенные слова Лю Иня с их источником — мыслями У-цзы, изложенными в первой главе. Там все указанные положения относятся к «совершенному человеку». «Совершенный человек посредством Пути приводит людей к благу, посредством долга управляет ими, посредством норм руководит их действиями, посредством гуманности привлекает их» (гл. I, ч. 2). Лю Инь же говорит: «если обладать этими двумя началами в их сочетании, можно стать полководцем». Таким образом, для Лю Иня понятие «совершенного человека», т. е. идеальной человеческой личности — подлинного руководителя и учителя людей, и понятие настоящего полководца совпадают.

«То, в чем соединяется и твердость и мягкость, есть руководство армией» — продолжает У-цзы. Лю Инь по этому поводу замечает: «В руководстве армией должны совмещаться и твердость и мягкость. Чрезмерная твердость приводит к ломке; при чрезмерной мягкости все разваливается само собою. Когда полководец тверд и вместе с тем умеет быть мягким, порядок устанавливается без всякого насилия; когда он мягок и вместе с тем умеет быть твердым, дело осуществляется при всяких обстоятельствах. Твердость и мягкость восполняют друг друга. С этими двумя качествами можно взять на себя управление армией».

Однако в концепции У-цзы и Лю Иня полководец — больше чем руководитель армии: он руководитель народа. Поэтому значение указанных его свойств не ограничивается рамками армии. Лю Инь говорит об этом, приводя слова трактата *Сань лио*: «Когда умеют быть мягким, умеют быть твердым — государство блестает все сильнее и сильнее; когда умеют быть слабым, умеют быть сильным — государство сверкает все ярче и ярче. Когда существует только одна мягкость, только одна слабость —

государство неминуемо терпит ущерб; когда существует только одна твердость, только одна сила — государство неминуемо гибнет» (*Сань лио*, гл. I, стр. 4).

После всего этого У-цзы вправе с некоторой иронией заявить: «Вообще говоря, люди, рассуждающие о полководце, обычно видят в нем одну храбрость». «Но храбрость полководца — всего лишь одна его сторона», — поясняет У-цзы. Как невысоко он ставит одно это качество, показывают его слова: «Просто храбрый человек обязательно легкомысленно ввязывается в борьбу. А тот, кто легкомысленно ввязывается в борьбу и не разбирает, где выгода, тот непригоден».

Такое отношение к храбрости обнаруживается и в собственных действиях У-цзы. Вэй Ляо-цзы передает такой рассказ:

«Когда У-цзы был на войне, его приближенные пренесли ему меч. У-цзы сказал: «Полководец распоряжается знаменами и барабанами и больше ничем. При встрече с трудностями он разрешает сомнения; воодушевляя воинов, он указывает, куда направлять мечи. Вот дело полководца! Действовать мечом — не дело полководца» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. VIII, стр. 30).

В этих словах содержится уже не просто указание на опасность, которую таит в себе ничем не контролируемая храбрость, а известный принципиальный взгляд на роль полководца.

Вообще, древним китайским мыслителям было свойственно убеждение, что одно какое-либо качество или начало, взятое само по себе, является отрицательной величиной. Только в сочетании с другим, соотносительным к нему качеством оно являет свою истинную природу и свою ценность. На что уж на первый взгляд безусловным по ценности качеством является гуманность, в которой Конфуций видел чуть ли не начало всех начал, но уже Мэн-цзы заметил, что одностороннее подчеркивание гуманности у Конфуция и его последователей неправильно по существу и таит в себе опасность. Для Мэн-цзы гуманность только тогда оказывается положительным качеством, когда она соединяется со справедливостью. Гуманность без справедливости — не гуманность, равно как и справедливость без гуманности не есть справедливость.

Такая точка зрения распространяется и на мужество. *Чжун-юн* — одна из замечательных книг древней китайской философии — говорит о храбрости, о мужестве, но не изолированно: мужество соединено с разумом и гуманностью. По учению, развитому в *Чжун-юне*, подлинным мужеством является только такое, которое руководствуется разумом и проникнуто гуманностью. Конечно, и разум без мужества — бесплоден, без гуманности — пуст, и гуманность без разума — пуста, без мужества — бесплодна.

Этим общим складом философской мысли того времени и объясняется то отрицательное отношение к храбрости как таковой, без соединения с другими качествами, которое сказалось в приведенных словах У-цзы. Он предъявляет к полководцу совсем другие требования.

Первое требование — понять основной принцип руководства армией. Сунь-цзы говорил: «Управлять массами (т. е. многочисленной армией. — *H. K.*) все равно, что управлять немногими» (т. е. небольшим отрядом. — *H. K.*). Эту же мысль повторяет У-цзы для объяснения того, в чем заключается принцип управления армией. Но Сунь-цзы сводит все рассуждение к рекомендации ввести для облегчения командования определенные воинские подразделения. У-цзы никак не объясняет, как достигается возможность управлять большой армией с той же легкостью, как и небольшим отрядом. В свете его предшествующих высказываний можно предположить только, что он имеет в виду знание человеческой природы, которое позволяет должным образом управлять действиями как отдельного человека, так и очень многих.

Второе требование — воспитать в себе постоянную готовность к встрече с противником. По образному выражению У-цзы, всегда нужно быть в таком состоянии, «как будто бы, выйдя за ворота, увидишь перед собой противника».

Третье требование — отвага. У-цзы характеризует отвагу так: «Находясь перед лицом противника, не думать о жизни». Лю Инь дает эту характеристику в более распространенном виде: «Находясь перед лицом противника, быть исполненным волею к смерти, не иметь сердце, полное заботой о жизни».

Четвертое требование — осторожность. Пятое — простота.

У-цзы заканчивает эту часть своих рассуждений о полководце определением «закона» самого полководца, закона его поведения: «Получить повеление и не попрощаться с семьей, разбить противника и только после этого вернуться домой — таков закон полководца». — говорит он.

Ту же мысль развивает и Вэй Ляо-цзы: «Когда полководец получает повеление (т. е. назначение. — *H. K.*), он забывает о своем доме; действуя со своей армией и ночуя в поле, он забывает о своих родных; когда он берет колотушку и ударяет в барабан (т. е. подает сигнал к бою. — *H. K.*), он забывает о себе самом» (*Вэй ляо-цзы*, гл. VIII, стр. 30).

Эти слова Вэй Ляо-цзы, судя по контексту, относятся именно к У-цзы. Видимо, такое отношение к своим обязанностям было характерной чертой этого знаменитого военачальника.

Часть вторая

Продолжая свое рассуждение о полководце, У-цзы переходит к вопросу, кто может быть назван хорошим полководцем.

Этот вопрос он рассматривает с двух сторон: есть некоторые знания, которые необходимо иметь полководцу, и есть некоторые свойства, которыми он должен обладать.

Полководец должен знать то, что У-цзы называет «пружинами» войны. Таких «пружин» он насчитывает четыре: «дух» самого полководца, влияние его личности; «местность», влияющая на ход военных действий; «действия», т. е. вся совокупность мероприятий; «сила», т. е. состояние боевой мощи.

О первой «пружины» У-цзы говорит категорически: «Легкость или трудность действий всей массы армии, всего миллионного войска заключены в человеке», т. е. в полководце. Лю Инь поясняет эту мысль так: «Это называется пружиной духа в том смысле, что дух всей миллионной массы заключен в духе одного человека.

Поэтому, если полководец храбр — и его солдаты сильны; если полководец труслив — и его солдаты слабы».

Большое значение духу придают и другие древние стратеги. Вэй Ляо-цзы говорит: «То, чем полководец сражается, есть народ. То, чем народ побеждает, есть дух» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. IV, стр. 11). Поэтому и Сунь-цзы ставит на первое место в действиях полководца именно «управление духом» (*Сунь-цзы*, гл. VII, разд. 13). Вэй Ляо-цзы говорит о том же: «Руководитель армии — сердце, его подчиненные — руки и ноги. Если сердце исполнено уверенностью, руки и ноги — сильны; если же сердце исполнено растерянностью, руки и ноги — слабы; если же послушны» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. V, стр. 16). В другом месте Вэй Ляо-цзы говорит: «В бою необходимо, чтобы полководец воодушевлял своих солдат. Это все равно, как сердце управляет руками и ногами. Если дух не поднят, солдаты не пойдут на смерть из верности долгу. Если же солдаты не будут идти на смерть из верности долгу, никто не будет сражаться» (*Вэй Ляо-цзы*, гл. IV, стр. 14).

Мнение Ли Вэй-гун совпадает со взглядами У-цзы: «Те, в ком заложена жизнь, в чьих жилах течет кровь, сражаются воодушевленно; пусть им угрожает даже смерть, они не обращают на это внимания. Такими их делает дух. Поэтому закон войны заключается в том, чтобы прежде всего знать своих солдат и вдохнуть в них дух победы. С такими солдатами можно ударить на противника» (*Ли Вэй-гун вэньдуй*, гл. II, стр. 57).

Вторая «пружина» — местность. У-цзы рисует местность, обладание которой может составить пружину успеха: «Дорога узкая, путь крутой, кругом высокие горы, отвесные стены». Это признаки местности, представляющей естественную крепость.

Не один У-цзы считал такую местность наилучшей для обороны. В «Законах Сыма» в числе «пяти забот» полководца приводится и забота об использовании местности, причем в объяснении говорится: «Использовать местность — это значит защищаться среди теснин, круч, пропастей» (*Сыма фа*, гл. III, стр. 16). Лю Инь, комментируя это место, прямо указывает, что речь идет о той местности, о которой говорится в трактате У-цзы.

Третья «пружина» — действия, как выражается У-цзы, т. е. вся тактика борьбы с противником. У-цзы перечисляет меры, к которым должен обращаться полководец: засылка к противнику лазутчиков, направление в его расположение летучих отрядов, разделение его сил, сеяние смуты в его лагере. Почти все эти меры предусматривает и Сунь-цзы, так что в этом пункте оба прославленных стратега древнего Китая полностью согласны.

Четвертая «пружина» — сила. Здесь мысль У-цзы сводится к двум требованиям: необходимо иметь армию хорошо обученную, вооружение наилучшее. О первом требовании говорят его слова: «воины обучены воинскому строю, кони привычны к бегу»; о втором — слова: «у колесниц оси крепкие, у кораблей весла хорошо действуют».

Лю Инь поясняет эти слова следующим образом: «Когда у колесниц оси крепкие — готовы к сражению на суше; когда у кораблей весла хорошо действуют — готовы к сражению на воде; когда воины опытны в военном строю, это говорит о том, что их обучение было основано на определенных правилах; когда кони привычны к бегу, это говорит о том, что в тренировке их была определенная система».

Таковы четыре «пружины» военного успеха. Знать их необходимо всякому полководцу. Однако, чтобы стать хорошим полководцем, нужно еще обладать особыми личными качествами.

Все китайские стратеги говорят о личных качествах полководца. Сунь-цзы в первой же главе своего трактата перечисляет эти качества: ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость (*Сунь-цзы*, гл. I, разд. 3, стр. 33). Лю тао требует от полководца ума, гуманности, правдивости, искренности, аргументируя это требование следующими соображениями: «Когда полководец храбр, его нельзя одолеть; когда он умен, его нельзя смутить; когда он гуманен, это значит, что он любит людей; когда он правдив, это значит, что он не обманет; когда он искренен, это значит, что в нем нет двоедушия» (*Лю тао*, Лун тао, гл. XIX, стр. 5). Таким образом, Лю тао почти полностью повторяет требования, выставленные Сунь-цзы.

Несколько иначе подходит к вопросу У-цзы. Он требует четырех качеств: властности, добродетельности, гуманности и храбрости. Этих качеств «достаточно для того, чтобы, ведя за собой своих подчиненных, сохранять спокойствие в своем войске, устрашать противника, рассеивать всякие сомнения». При наличии у полководца этих качеств «он приказывает — и подчиненные не осмеливаются ослушаться; он пребывает в каком-либо месте — и неприятель не осмеливается выступить против него».

Лю Инь пытается установить, какое именно из этих четырех свойств обеспечивает тот или иной результат. По его мнению, спокойствие в армии создается добродетельностью полководца и его гуманностью; устранение всяких сомнений у подчиненных и внушение страха противнику достигается храбростью полководца; безоговорочное исполнение всех приказов обусловливается властностью, т. е. силой, авторитетом полководца.

Нетрудно заметить, что два качества — добродетельность и гуманность — относятся к категории «гражданских начал» в человеке, другие два — властность и храбрость — к категории «воинских начал».

Только того полководца, который обладает этими четырьмя качествами, У-цзы считает возможным назвать хорошим. Насколько же эта оценка высока, свидетельствуют его слова: «Если такого человека найти, государство будет сильным; если такого человека потерять, государство погибнет».

Часть третья

Полководец руководит армией. У-цзы рассуждает об этом руководстве несколько своеобразно.

Что значит руководить людьми? По его мнению, это значит воздействовать на них. Что управляет действиями людей? Впечатления, получаемые людьми от внешнего мира: то, что они видят; то, что они слышат; то, что они чувствуют. Следовательно, для того чтобы заставить людей совершил те или иные действия, нужно воздействовать на их слух, зрение и сердце.

Уже в древнем китайском трактате о военном искусстве, цитируемом Чжан Юем в его комментарии к *Сунь-*

цзы, было сказано, что в условиях скопления больших человеческих масс «когда говорят, друг друга не слышат» (т. е. не слышно команды, подаваемой голосом). Поэтому, замечает этот древний трактат, «изготавливают барабаны и гонги». У-цзы приводит перечень средств звуковой сигнализации, заменяющих команды, подаваемые голосом: барабаны, литавры, гонги и колокольчики. Каждый из этих инструментов употребляется для определенного вида команды. Так, например, удар в барабан является сигналом к наступлению, атаке; удар в гонг — к отступлению, отходу.

Чем можно воздействовать на зрение? Конечно, можно подавать команду жестами, но, как говорит тот же древний трактат, в условиях скопления больших масс людей «когда смотрят, друг друга не видят». Поэтому «изготавливают значки и знамена». У-цзы перечисляет средства оптической сигнализации: бунчуки, знамена, флаги и значки.

Чем можно воздействовать на сердце? У-цзы отвечает: «запрещениями и приказаниями, карами и наказаниями». Под словом «кара» (刑) подразумевалось нечто более тяжелое, чем простое «наказание» (罰); впоследствии под первым стали подразумевать судебное наказание, под вторым — административное или дисциплинарное взыскание.

Заканчивается эта часть четвертой главы заимствованным из какого-то неизвестного нам древнего сочинения стихом, в котором воспевается мощь полководца:

«Военачальник поманит — все к нему, все за ним. Военачальник укажет — все вперед, все на смерть».

Часть четвертая

Армия имеет перед собой другую армию. Полководец имеет против себя другого полководца. Если от качеств своего полководца зависит успех, то успех этот зависит и от качеств полководца противной стороны. Поэтому необходимо знать также и качества полководца противника. На основании учета этих качеств вырабатывается та или иная тактика борьбы с противником. Этой теме и посвящена четвертая часть четвертой главы.

Та или иная тактика борьбы в известной мере определяется личными качествами полководца противника. Если он глуп, корыстолюбив, с легкостью идет на всякие перемены, нерешителен, справиться с ним нетрудно: глупого можно обмануть и поймать в ловушку, корыстолюбивого — подкупить, легкого на всякие перемены — обессилить, вызывая его на всевозможные действия, нерешительного — напугать.

О полководце противника можно судить и по его действиям. У-цзы указывает на четыре действия, которые свидетельствуют об отсутствии у него способностей руководителя армии. Первые два относятся к его стратегии при наступательных операциях. Один полководец стремится выбрать для наступления удобный путь, например, по наклонной плоскости вниз, не заботясь о том, что он оставляет за собой подъем; этим он ставит себя в затруднительное положение в случае отступления. Другой полководец поступает наоборот: всячески заботится об облегчении себе возможности отступления, не считаясь с трудностями наступления по наклонной плоскости вверх. Первому, ведущему наступление, спускаясь с возышенности, следует не мешать спускаться, ожидать его в конце спуска и разбивать его наступающие части по очереди, не дожидаясь, когда они успеют сосредоточиться. На второго, идущего в атаку на подъем, следует ударить с высоты.

Два других действия полководца свидетельствуют о его неопытности в выборе позиций. Он может расположить свою армию в низменной и сырой местности. Если в это время прошли сильные дожди, следует устроить «нападение водой», как выразился в своем трактате Сунь-цзы, т. е. затопить его. Он может расположить свою армию в местности, густо заросшей кустарником. Если в это время в его сторону дует ветер, следует произвести «нападение огнем», т. е. зажечь его лагерь.

О полководце можно судить и по отношению к нему солдат. О полном отсутствии у него авторитета свидетельствует пренебрежительное отношение к нему его подчиненных. В таком случае его приказы не будут действовать, солдаты только и будут думать о возвращении домой. Следует открыть им путь и, когда они начнут ухо-

дить, уничтожать их по частям. Наконец, о полководце можно судить и по состоянию его страны. «Если высшие у него богаты и высокомерны, а низшие бедны и ропщут», такая же картина должна повторяться и в армии. В таком случае следует «разъединить их», т. е. усилить рознь между полководцем и его командирами, с одной стороны, и солдатами — с другой.

Часть пятая

Есть еще один способ выяснить, каково руководство у противника. Этот способ — разведка боем. О ней говорит У-цзы в заключительной части этой главы.

У-цзы рекомендует отправить в разведку небольшой отборный отряд, способный к быстрому передвижению, т. е. составленный, по-видимому, из тех, кого он назвал «легкими на ногу». Тактика разведки должна быть такова: нужно завязать бой с противником, но как только он станет вводить в бой крупные силы, сейчас же отступить. При этом необходимо наблюдать, как идут его солдаты и как он ведет преследование. Если его части идут организованно, в полном боевом порядке, если он ведет преследование осторожно, стараясь остановить отступающих притворной медлительностью, если он делает вид, что не обращает внимания на отступающих, в расчете, что те станут менее осмотрительными и их легко будет уничтожить, — все это свидетельствует о том, что полководец у противника умный. Если же его части будут идти беспорядочно, если он бросится в преследование очертя голову, если он будет спешить воспользоваться любой представившейся ему выгодой, не думая, что противник может принять ответные меры, — все это свидетельствует о том, что полководец у противника глуп. Вывод, таким образом, ясен: с первым полководцем не следует вступать в бой; о втором же У-цзы говорит: «Пусть у него будет много войск, захватить его можно».

Глава V

Пятая глава У-цзы называется главой «Об изменениях». Лю Инь начинает свой комментарий к этой главе следующими словами: «Если при ведении войны знать

только одни общие правила и не знать, какие изменения происходят в зависимости от времени, какие изменения возникают в зависимости от обстоятельств, как же можно одержать победу в случае какой-нибудь неожиданности?»

В трактате *Сунь-цзы* «Изменениям» посвящена вся восьмая глава. Изложив различные правила ведения войны, он в этой главе неожиданно заявляет:

«Бывают дороги, по которым не идут; бывают армии, на которые не нападают; бывают крепости, из-за которых не борются; бывают местности, из-за которых не сражаются; бывают повеления государя, которых не выполняют» (*Сунь-цзы*, гл. VIII, разд. 3, стр. 44).

В сопоставлении с предыдущими указаниями эти слова означают: есть правила, но бывают и исключения.

Далее Сунь-цзы говорит: «Полководец, не постигший, что есть выгодного в «Девяти изменениях», не может овладеть выгодами местности, даже зная форму местности» (*Сунь-цзы*, гл. VIII, разд. 4, стр. 44).

В сопоставлении с другими высказываниями эти слова означают, что на практике не бывает общих положений; каждое положение всегда выступает в какой-либо модификации, оно подвержено «девяти», т. е. бесконечным, изменениям.

Таким образом, оба древних стратега придерживаются взгляда, что знать одни общие правила недостаточно, необходимо знать и «изменения».

Часть первая

Первая часть этой главы представляет собой только вступление. Прежде чем перейти к советам, как поступать в различных случаях, при различных изменениях обстановки, У-цзы считает нужным указать на предварительное условие, которое делает вообще возможным легко и свободно менять тактику. Это условие — обученность армии. При хорошо обученной армии легко спрашиваешься со всеми случайностями и неожиданностями. Вэйский князь спрашивает, что делать в том случае, если армия при неожиданной встрече с противником приходит в расстройство. У-цзы вместо конкретных указаний, на

которые, видимо, и рассчитывал князь, неожиданно преподносит общее положение, которое и является вступлением.

«По законам войны, — говорит он, — днем все сообразуется со знаменами, бунчуками, флагами и значками; ночью все сообразуется с гонгами, барабанами, свирелями и флейтами. Когда дают сигнал «налево», поворачивают налево, дают сигнал «направо», поворачивают направо» и т. д. Вместо конкретного указания дается, следовательно, как будто выдержка из воинского устава. Но уже совсем не словами устава звучит заключительная фраза: «Если армия послушна воле полководца, если командиры и солдаты выполняют приказания, при бою не бывает сильного противника, при нападении не бывает крепкой позиции».

Это — уже прямой ответ спрашивающему. Если армия послушна воле полководца, если она умеет действовать так, как учит устав, такого положения, о котором говорит князь, т. е. расстройства при неожиданной встрече с противником, вообще быть не может.

Попутно отметим, что из этого места трактата мы узнаем, что в армии древнего Китая применялись — помимо ранее перечисленных средств звуковой сигнализации — еще свирели и флейты.

Часть вторая

После установления предварительного условия У-цзы переходит к разбору конкретных случайностей, могущих встретиться на войне.

Первый вопрос: как быть, если получится такая обстановка, что у меня окажется войск мало, а у противника много?

Общие правила на этот случай преподал Сунь-цзы: «Если у тебя сил меньше, сумей оборониться от него», — говорит он в одном месте своего трактата (*Сунь-цзы*, гл. III, разд. 4, стр. 36). «Если он силен, уклоняйся от него», — говорит он в другом месте (*Сунь-цзы*, гл. I, разд. 7, стр. 34). У-цзы придерживается другого мнения: уклоняться от сражения с противником, превосходящим по численности, следует, но не всегда; на роз-

ной местности уклоняться от сражения нужно, в теснине же, т. е. на узком пространстве, окруженном с боков возвышенностями, наоборот, принять бой можно.

Гуань Чжун-сю, один из комментаторов трактата *У-цзы*, объясняет, почему в этом случае можно пойти на сражение с противником: «Большое войско, находясь в теснине, становится малым; малое войско, находясь в теснине, становится большим: оно обращает в свою пользу выгодные условия местности». Условия такой местности настолько выгодны для нападающего, что *У-цзы* считает возможным сказать: «Для того чтобы ударить одному на десятерых, нет ничего лучшего, чем теснина». Иначе говоря, в подобной обстановке перевес сил перестает играть решающую роль.

Часть третья

Похоже на то, что молодой вэйский князь хочет поставить своего наставника в тупик. Он спрашивает, как поступать в том случае, когда противник сильнее во всех отношениях: у него и сил больше, и качества солдат превосходные, и позиция неприступная.

Наставник, однако, оказался на высоте: он нашел выход даже из такого, казалось бы, вполне безнадежного положения.

У-цзы признает, что идти на такого противника прямо, так сказать, напролом, — бессмысленно. Для того чтобы одолеть его, нужны в данном случае особые приемы. Он предлагает сначала попытаться вынудить противника покинуть позицию. *У-цзы*, Сунь-цзы и другие стратеги древнего Китая хорошо знали, чего можно добиться с помощью искусственных лазутчиков, засылаемых в стан неприятеля. Поэтому он и советует послать к противнику своего агента, даже с письмом от себя, что-то предложить, что-то пообещать, чем-то припугнуть, чем-то заудить, на что-то спровоцировать и добиться, чтобы тот снялся с позиции.

У-цзы предвидит, что этот способ может и не дать желаемых результатов; тогда остается сражаться.

У-цзы преподает наставления, как нужно в этом случае действовать. Нужно так подготовить удар, чтобы про-

тивник не мог заранее определить, откуда он будет нанесен. Следует разделить свои силы на пять частей, действовать ими в различных направлениях и тревожить противника со всех сторон. В результате для противника создастся положение, о котором У-цзы говорит в таких выражениях: «Когда пять отрядов станут действовать в пяти направлениях, противник непременно растеряется и не будет знать, с какой стороны последует удар». Создастся ситуация, о которой Сунь-цзы говорит так:

«Противник не знает, где он будет сражаться. А раз он этого не знает, у него много мест, где он должен быть наготове. Если же таких мест, где он должен быть наготове, много, тех, кто со мной сражается, мало... Мало сил у того, кто должен быть всюду наготове; много сил у того, кто вынуждает другого быть всюду наготове» (*Сунь-цзы*, гл. VI, разд. 8, стр. 41).

Сунь-цзы, как и У-цзы, видит в создании описанной обстановки лучший способ свести на нет численный перевес противника. Вместе с тем необходимость ждать нападения отовсюду ведет к появлению уязвимых мест, которые и нужно нащупать. О том, как это делается и как следует после этого действовать, и говорится в этой части пятой главы.

Слова в тексте: «закусив во рту палочки» — имеют буквальное и переносное значение; чтобы войска двигались бесшумно во время приближения к противнику для неожиданного удара на него, солдат заставляли брать в зубы палочки, мешающие говорить; в переносном смысле это выражение употреблялось в значении «в полном молчании», «без малейшего шума».

Часть четвертая

Новая ситуация, разрешить которую предлагает своему собеседнику вэйский князь, заключается в следующем: как быть в том случае, если противник угрожает, а я почему-либо не могу принять бой, отступить же некуда и солдаты, видя, что дороги для отступления нет, объяты страхом.

Из ответа У-цзы мы снова видим, что численности войск все же придавалось тогда большое значение. У-цзы

строит свою тактику, исходя из положения: выбор действия зависит от того, на чьей стороне перевес в силах.

У-цзы остается верным и другому своему положению: во всех затруднительных случаях следует обращаться к тактике комбинированного удара, т. е. разделения своих сил на отдельные части, оперирующие в разных направлениях, и удара с разных сторон. Так он предлагает поступить и в данном случае, впрочем, с оговоркой, что подобная тактика возможна только тогда, когда перевес сил на своей стороне. Если же этого нет, следует действовать разными способами, но обязательно так, чтобы не давать противнику ни минуты спокойствия.

Часть пятая

Князь предлагает новую ситуацию: встреча с превосходящими силами противника проходит в ущелье, где по обеим сторонам крутые горы или пропасти. Сущность этой ситуации такова: в подобной обстановке нет места для боевого развертывания и приходится вести бой, представляя себя под ударом противника.

Ответ У-цзы свидетельствует, как серьезно оценивали такую ситуацию полководцы древнего Китая. Первое, что советует У-цзы, — по возможности быстро пройти подобное место, быстрым продвижением не дать противнику времени для нанесения удара. Если же сражения не миновать, следует барабанным боем, воинственными криками, непрерывной стрельбой, короткими ударами воздействовать на противника так, чтобы сбить у него наступательный порыв и вызвать расстройство в его рядах. Лю Инь говорит так: «Наступать с луками и самострелами, стрелять и захватывать слабых — значит действовать на его слабые места. После этого надлежит внимательно наблюдать за порядком и беспорядком у него. Если у него возникнет беспорядок, следует нападать тут же без колебаний. Если порядок сохраняется, следует принять все меры, чтобы вызвать беспорядок».

Часть шестая

В шестой части объясняется, что нужно делать, если угрожает «бой в долине». Под долиной понимается не-

Большая по размерам территория, слева и справа огражденная горами. У-цзы считает, что нужно приложить все усилия к тому, чтобы выбраться из тесноты на простор, по возможности еще не вступив в генеральное сражение. Сделать это нужно потому, что на тесном пространстве невозможно произвести нужное для такого сражения построение.

Как сделать так, чтобы противник не помешал выходу из долины? У-цзы рекомендует бросить на противника свои лучшие части, в авангарде основной массы войска поставить легкую пехоту; одновременно разделить на отдельные группы свои колесницы, придать каждой из групп по конному отряду и направить такие соединения по разным направлениям. У-цзы считает, что эти действия заставят противника опасаться удара с неожиданной стороны, наведут его на мысль о подстроенной ловушке, приведут его в замешательство, чем и наложит воспользоваться для быстрого вывода своих войск из долины.

Часть седьмая

После указания, как вести «бой в долине», У-цзы переходит к тактике «боя в болотистой местности». Строго говоря, в этом случае он не дает прямых указаний, лишь обращает внимание на то, что в такой местности действия колесниц и конных частей вообще исключаются, и рекомендует только тщательно изучить местность и на основании этого изучения выработать план действий.

Часть восьмая

У-цзы не оставляет без внимания и влияние метеорологических условий на военные действия. Естественно это указание на то, что дожди сильно затрудняют движение колесниц, но интересна одна деталь: если во время дождей противник прошел впереди, следует повесить свои колесницы по колеям, оставленным его колесницами.

Часть девятая

Вэйский князь спрашивает: «Допустим, что внезапно появляются свирепые разбойники, опустошают мои поля, забирают мой скот, что делать в этом случае?»

Разумеется, в этих словах не идет речь о разбойниках в прямом смысле этого слова. Разбойниками было принято называть вообще войска противника. Так, разбойниками японские хроники именуют монголов, напавших на Японию в конце XIII в.; разбойниками корейские хроники называют японцев, вторгшихся в Корею в конце XVI в. Поэтому слова вэйского князя следует понимать как указания на внезапный набег противника.

В своем ответе У-цзы исходит из трех положений, которые, видимо, признавались всеми стратегами его времени. Первое из них нашло свое выражение в известных словах Сунь-цзы: «По утрам духом бодры, днем вялы, вечером помышляют о возвращении домой» (*Сунь-цзы*, гл. VII, разд. 13, стр. 43). Слова эти должны пониматься широко: в начале кампании войско бывает исполнено энергии и боевого воодушевления, в середине уже этого нет, а в конце кампании оказывается общее утомление. Поэтому Сунь-цзы и советует «избегать противника, когда его дух бодр, и ударять на него, когда его дух вял или когда он помышляет о возвращении».

Второе положение сформулировано самим У-цзы. В конце второй главы, перечисляя случаи, когда надлежит нападать на противника, У-цзы говорит: «надлежит нападать, когда он исполнен страха».

Третье положение не раз встречается у обоих стратегов древнего Китая: они рекомендуют нападать на противника, когда его ряды расстроены, когда между отдельными частями нарушенна связь, когда одни части оказываются выдвинувшимися вперед, другие отставшими.

Такое расстройство может быть вызвано различными причинами: деморализацией армии, географическими условиями, ошибками полководца. В данном случае важны не сами причины, а результат, т. е. расстройство боевых рядов. И Сунь-цзы и У-цзы называют это «беспорядочностью знамен».

Если налицо все три указанных условия: «вечер», т. е. спад боевого воодушевления у противника, страх, которым он охвачен, и беспорядок в его рядах, то не только можно, но и нужно на него нападать.

При набеге «разбойников», по мнению У-цзы, все эти три условия обязательно вступят в силу.

В изложении Лю Иня картина, которую имеет в виду У-цзы, такова: «Когда свирепые разбойники только что появились, необходимо учитывать, что их сила велика; поэтому следует укрыться за своими укреплениями и не вступать в открытый бой, как бы они ни старались на такой бой вызвать. Когда же они соберутся уходить, добыча, которую они будут нести на себе, будет так тяжела, что в их сердцах обязательно возникнет страх и появятся опасения. Уходя, они будут стараться идти как можно быстрее, поэтому у них обязательно будут оторвавшиеся части. Если тогда погнаться за ними и ударить на них, их войско будет разбито».

Часть десятая

Сунь-цзы в двенадцатой главе своего трактата говорит о том, что в борьбе с противником уничтожают его население, сжигают запасы, склады и т. д. Иначе говоря, ведут войну на уничтожение всей живой и материальной силы противника. У-цзы выдвигает противоположную точку зрения: при вступлении в страну противника надо стараться привлечь на свою сторону ее население.

Для этого У-цзы рекомендует не рубить деревьев, не разрушать жилищ, не забирать зерно, не убивать домашних животных, не жечь запасов. У-цзы рекомендует далее отнестись милостиво ко всем, кто находился на службе у противника: не только не предпринимать никаких репрессий против них, но даже продолжать выдавать жалованье. Всех, сдающихся без сопротивления, У-цзы советует помиловать и успокоить.

Такое поведение по отношению к противнику после победы над ним рекомендует не один У-цзы. В «Законах Сыма» — трактате, относящемся приблизительно к этой же эпохе, — предписывается такая тактика: «Вступив на землю виновного (т. е. правителя страны, с которой идет война. — Н. К.), не оскорбляй его богов, не устраивай охот на его угодьях, не разрушай межей (устроенных для задержки воды. — Н. К.) на его полях, не сжигай построек, не вырубай лесов, не отнимай животных, зерно, утварь. Если встретишь стариков и детей, с почтением отведи их домой и не трогай их. Если встретишь

человека в цвете лет и если он не сопротивляется, не смотри на него как на врага; если у противника имеются раненые, вылечи их и отпусти по домам. Когда виновный уже наказан, победитель со своими князьями вводит порядки в его стране. Он возвышает мудрых, ставит в стране просвещенного правителя, приводит в порядок все должности» (*Сыма фа*, гл. I, стр. 6—7).

Глава VI

Последняя глава трактата говорит о наградах и наказаниях. У-цзы не раз касался этого вопроса и в предыдущих главах. Так, например, рекомендуя составлять армию из крепких, выносливых, смелых и воинственных людей, он заметил: «Если заботиться об их отцах и материах, женах и детях, если награждать их щедро, а наказывать строго, это будут воины, укрепляющие армию. С ними можно продержаться долго» (II, I, 16). На вопрос князя, что самое главное в руководстве армией, У-цзы в числе прочего говорит о важности щедро награждать при наступлении и строго наказывать при отступлении (III, I, 9).

Настойчивое возвращение У-цзы к этой теме побудило князя задать вопрос: «Когда наказания строги, а награды справедливы, этого достаточно для победы?»

«На это одно полагаться нельзя», — отвечает У-цзы. Для победы важнее другое: «Когда... издают приказ и люди спешат выполнить его, когда поднимают войско... и люди с радостью сражаются, когда скрещивают оружие... и люди с радостью умирают», — вот тогда правитель может с уверенностью рассчитывать на победу.

После этого, естественно, возникает вопрос: «А как этого добиться?» В ответ У-цзы преподносит целое наставление, как следует действовать правителю. Тут и утешения, и подарки, всяческие знаки внимания и к самим воинам и к их семьям.

В этом месте трактата в общую канву рассуждения вводится элемент повествования: рассказывается о том, какие замечательные результаты принесли рекомендуемые мероприятия.

Но заканчивается трактат не этим. Самое главное для победы, оказывается, все же — готовность солдат идти на смерть. Только это делает армию действительно сильной, ибо «достаточно одного человека, решившегося расстаться с жизнью, чтобы нагнать страх на тысячу человек».

* * *

Трактат *У-цзы* является вполне законченным произведением, излагающим во всех важнейших частях определенную доктрину.

Этот трактат, конечно, прежде всего — сочинение по военному искусству. Вместе с тем этот трактат входит и в литературу древнего Китая наряду с такими произведениями, как *Луньйоу*, *Мэн-цзы*, *Лао-цзы*, *Гуань-цзы* и т. д. Все эти произведения представляли собою литературную прозу того времени.

В этой прозе соединены элементы того, что мы в наше время называем прозой деловой и прозой художественной. Но так — только для нас. Для древних китайцев деления прозы на два различных вида не существовало, но не потому, что они тогда не достигли понимания подобных различий, а потому, что у них образовался особый вид прозы, совершенно самостоятельный и целостный. Я предлагаю этот вид прозы называть синтетической. Синтетическая проза характерна для китайской литературы времен Чуньцю и Чжаньго, т. е. для Китая VIII—III вв. до н. э. — эпохи расцвета рабовладельческого общества.

В этой синтетической прозе были свои жанры. Одним из самых распространенных был жанр диалога. Трактат *У-цзы* именно к этому жанру и относится.

Основной признак этого жанра — построение изложения в форме диалога. Но, как свидетельствует литература той эпохи, в общих рамках одного жанра существовали различные его модификации. Изложение могло действительно строиться в форме вопросов и ответов, в виде беседы двух или нескольких лиц. Могло быть и так, что никакой беседы в сущности не было и задаваемый вопрос являлся лишь предлогом для рассуждения; в виде

вопроса либо формулировалась тема рассуждения, либо же излагалось положение, от которого автор затем в своем рассуждении отталкивался. В подобном случае мы имеем дело, строго говоря, с использованием формы диалога как чисто композиционно-стилистического приема. Именно к этому варианту диалогического жанра и должен быть отнесен трактат *У-цзы* как литературное произведение.

В самом деле, в ряде случаев вопрос явно представляет собою изложение темы. Таков, например, вопрос, которым начинается пятая часть первой главы: «Как следует управлять армией, оценивать людей и укреплять государство?» Таков же вопрос, которым начинается шестая часть той же главы: «Как нужно поступать, чтобы лагерь был всегда крепок, чтобы защита была всегда надежной, чтобы бой всегда приводил к победе?»

В других случаях вопрос служит только для того, чтобы дать начало рассуждению. Таков, например, вопрос, которым начинается первая часть второй главы: «В настоящее время Цинь грозит мне с запада, Чу охватывает меня с юга, Чжао толкает меня с севера, Ци стоит передо мной на востоке, Янь отрезает мне дорогу назад, Хань преграждает мне путь вперед... что мне делать?»

Ясно, что это — не вопрос, а отправной пункт для последующего рассуждения о зависимости качеств армии от качеств народа, о зависимости способов борьбы с противником от качеств его армии.

Иногда это не вопрос даже по форме, а просто реплика — либо промежуточная, либо заключительная. Подобного рода реплики призваны подчеркнуть основную мысль рассуждения. Примером промежуточной реплики может служить второй вопрос князя в начале второй части третьей главы:

«Князь У-ху спросил: — Чем армия побеждает?

У-цзы ответил: — Она побеждает своей организованностью.

Князь снова спросил: — А не численностью?»

Примером заключительной реплики, особо подчеркивающей высказанную мысль, может служить заключение первой части второй главы, в которой развивается уч-

ение о способах оценки противника: «Князь У-хуо сказал: — Хорошо!»

Иногда в рассуждение вводится инородный элемент—повествовательный. Примером этого может служить помещенный в шестой главе рассказ о действиях князя, сообщение о победах У-цзы. Следует, однако, и тут отметить, что стилистическая неоднородность элементов повествования преодолевается тем, что подобные рассказы не имеют самостоятельного значения: рассказом также подчеркивается важность высказанной мысли.

В трактате *У-цзы* можно подметить и некоторые композиционно-стилистические приемы. К числу их относится введение в формулировки числовых обозначений. Так, например, в трактате говорится о четырех несогласиях (I, 1, 2), о пяти причинах, по которым начинается война (I, 4, 1), о пяти названиях войны (II, 4, 2), о восьми противниках, с которыми надлежит вступать в бой (II, 2, 1), о шести противниках, с которыми не следует вступать в бой (II, 2, 11), о четырех «пружинах» войны (IV, 2, 1).

Конечно, числа во всех этих случаях имеют и реальное значение, но в то же время они играют и стилистически-композиционную роль: они служат упорядочению изложения путем введения рубрик.

Стилистическим приемом является и нарочитая неожиданность формулировок, как это сделано, например, в первой части третьей главы: «Самое главное уяснить себе «четыре легкости», «две тяжести», «одну беспристрастность». Такой прием служит для привлечения особого внимания к последующему изложению.

Приемом служит и обращение к истории. В одних случаях это обращение имеет целью дать иллюстрацию для лучшего понимания высказанной мысли. Таков, например, рассказ о князе Чжуан-ване в седьмой части первой главы. В других случаях историческая справка служит композиционной концовкой всего рассуждения. Таков, например, заключительный абзац второй части первой главы: «Поэтому, когда Тан убил Цзе, народ Ся возликовал».

Все вышеизложенное позволяет наметить наиболее характерные признаки литературного жанра, представленного трактатом *У-цзы*. Эти признаки таковы: общий

разговорный стиль изложения, назидательность тона, вставка элементов повествовательного характера, применение безглагольных конструкций.

Очень интересно сопоставление этого трактата с другими образцами синтетической прозы той эпохи, близкими по жанру к рассматриваемому произведению. Такое сопоставление открывает многообразие литературных приемов даже в пределах одного жанра.

Трактат *Мэн-цзы* также представляет собой своеобразное рассуждение, построенное в форме диалога. Однако диалог в нем в своей большей части — действительно разговор. Анализ содержания показывает, что такой вариант диалогического жанра появляется тогда, когда налицо не простое изложение мысли, а полемика. Отличается *Мэн-цзы* от трактата *У-цзы* и другой чертой: в нем масса всевозможных тем, в то время как в трактате *У-цзы* в сущности одна большая тема, развивающаяся во всем своем сложном содержании. Поэтому книга *Мэн-цзы* — не один, хотя бы и весьма развитый диалог, а собрание отдельных диалогов, перемежающихся рассуждением.

Таким образом, трактаты *У-цзы* и *Мэн-цзы* — разные варианты диалогического жанра синтетической прозы. И в то же время у *Мэн-цзы* мы находим многие из тех стилистических приемов, какие мы видим в трактате *У-цзы*: вопрос часто является также простой формулировкой темы или же служит зачином, от которого отталкивается в своем дальнейшем рассуждении *Мэн-цзы*; часто вводятся промежуточные реплики для того, чтобы способствовать развитию темы или направить рассуждение по другому руслу, фигурируют и числа, делаются ссылки на историю с теми же целями иллюстрации или подкрепления излагаемых положений, как и в трактате *У-цзы*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Биография У-цзы и его трактат	7
У-цзы. Трактат о военном искусстве	21
Введение	23
Глава I. Забота о государстве	24
Глава II. Об оценке противника	28
Глава III. Об управлении армией	34
Глава IV. О полководце	38
Глава V. Об изменениях	42
Глава VI. О поощрении воинов	47
Комментарий	49
Введение	51
Глава I	59
Глава II.	81
Глава III	94
Глава IV	106
Глава V	117
Глава VI	126

НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ КОНРАД

У - Ц 3 Ы

Трактат о военном искусстве

*

*Утверждено к печати
ученым советом Института китаеведения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства Э. П. Стужина
Художник Л. Г. Ларский

Художественный редактор Л. С. Эрман

Технический редактор С. В. Цветкова

Корректоры М. К. Киселева
и Л. Г. Тумасова

*

Сдано в набор 14/I 1958 г.
Подписано к печати 17/IV 1958 г.
Т-02863. Формат 84×108¹/32. Печ. л. 4,125.
Усл. п. л. 6,76. Уч.-изд. л. 6,25.
Тир. 4000 экз. Зак. 96.
Цена 3 р. 75 к.

*

Издательство восточной литературы,
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
26	7—8 сн.	неизменно	непременно
69	13 .	(шэнъжэнь)	(шэнжэнь)
70	17 .	(298—238 гг.)	(315—236 гг.)